

Одержимость романами

Автор:

Кейтлин Бараш

Одержимость романами

Кейтлин Бараш

Ток. Триллер в сети

Лучшая книга 2022 года по версии New York Post и BuzzFeed.

Самая ожидаемая новинка по мнению The Millions, Bustle, Book Riot, The Nerd Daily, Goodreads.

Что, если безобидное желание узнать больше о бывшей своего парня перерастет в настоящую одержимость?

Двадцатичетырехлетняя сотрудница книжного магазина в Нью-Йорке Наоми Акерман отчаянно пытается написать свой первый роман, но никак не может найти идеальный сюжет. Когда после череды неудачных свиданий она встречает Калеба – обаятельного и умного парня с валлийским акцентом, то понимает: вот она – подходящая тема. Любовь. Но внезапно в этой истории появляется незапланированный персонаж – Розмари, бывшая девушка Калеба...

Оказывается, та тоже живет в Нью-Йорке, работает с книгами и подозрительно похожа на саму Наоми. И это не считая того, что они обе влюбились в одного и того же парня. Может быть, у девушек есть еще что-то общее? Сгорая от любопытства и тревоги, Наоми начинает следить за Розмари. Она решила поставить эксперимент над своим парнем и его бывшей, только в какой-то момент теряет контроль над всем происходящим...

«Стиль Кейтлин Бараш переполнен юмором, состраданием, интригой и хаосом идентичностей. Он переполнен самой жизнью». – Джонатан С. Фоер, автор мирового бестселлера «Жутко громко и запредельно близко»

«Если вы когда-нибудь испытывали искушение следить за бывшим в социальных сетях, а затем оказывались в кроличьей норе из-за его постов из отпуска трехлетней давности, то этот дебютный роман о 24-летней жительнице Нью-Йорка по имени Наоми, которая становится одержимой бывшей девушкой своего парня, точно для вас!» – Vogue

«У Бараш есть талант балансировать между дискомфортом и сочувствием, отталкивая читателя и притягивая его обратно... Герои эмоционально привлекательны, маня вас отвлечься от неизбежной катастрофы». – Associated Press

«Ух, если вы ищете отличную книгу, которой станете мгновенно одержимы, то “Одержимость романами” попадает в самую точку – как названием, так и сюжетом... Я не мог отложить эту книгу. Это превратилось в судорожное перелистывание страниц по дороге на работу (и обратно), и больше такого не будет... Это было так горячо». – New York Post

«“Одержимость романами” до сих пор занимает место лучшей книги года в моем сердце. Это острый, вдумчивый взгляд на природу любопытства, одержимости и самовредительства, и он обязательно заинтригует вас с самой первой главы». – Фэрра Пенн, BuzzFeed

Кейтлин Бараш

Одержимость романами

Моей покойной бабушке, Джоан Кэмерон, самой захватывающей и виртуозной рассказчице

Caitlin Barasch

A NOVEL OBSESSION

Copyright © 2022 by Caitlin Barasch

© Никишева К.В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава первая

У Розмари, бывшей девушки моего парня, такие же густые брови, как у меня. У нее точно такие же волнистые темно-рыжие волосы и округлые бедра.

Я стою через дорогу от ее офиса в объемном бордовом свитере и темных очках и наблюдаю. Мне хочется знать, кто она: из тех, кто уходит в пять вечера, чтобы попасть в спортзал или застать часы скидок в баре, или же из тех, кто до восьми рассылает электронные письма в окружении пустых столов.

Но она выходит из здания в 18:35, и я понимаю – она не относится ни к тем, ни к другим.

На плече у нее шопер с логотипом «Нью-Йоркера»[1 - «Нью-Йоркер» – американский еженедельный журнал, посвященный культурной и литературной жизни, как правило, именно Нью-Йорка.]: для меня это признак банальности, конформизма. Она перебегает четырехполосную дорогу, когда светофор отсчитывает последние две секунды. Машины сигналият, а она жует мятную конфету.

Я точно знаю вкус конфеты, потому что стою рядом с ней на платформе станции метро «Фултон» и чувствую запах. Отчаянно сопротивляюсь желанию прикоснуться к ней: вдруг она растворится.

Вблизи Розмари не похожа на свои инстаграмные[2 - 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., БЫЛА признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.] фотографии. Она явно использует разные фильтры, добавляя тени и насыщенность. Ее живот более плоский, чем у меня, зато грудь гораздо меньше. Гладкая и сияющая кожа, но квадратная челюсть, как у мужчины. На снимках она поджимает губы, вместо того чтобы показать все зубы, как это делаю я.

Теперь-то мне удастся разглядеть ее зубы. У нее острые клыки, как у хищника. Наверное, это говорит о том, что я симпатичнее Розмари, но как знать? Вдруг Калебу понравился этот вампирский оскал.

В поезде она вставляет в уши крохотные белые «Эйрподс», и я в ответ надеваю объемные шумопоглощающие наушники. Хотя в вагоне хватает сидячих мест, Розмари прислоняется к двери, закрывает глаза и начинает отбивать такт ногой. Я тоже стою, но мои глаза открыты. Половину моего лица скрывают огромные темные очки – как у звезд, избегающих папарацци, – и я могу пристально разглядывать людей. Анонимность – залог успешного наблюдения.

На станции «Уолл-стрит» в поезд набивается куча тел в деловых костюмах, и те, кто стоит у дверей, вынуждены потесниться. Несмотря на октябрьский холод, вагоны пока не отапливаются. Посреди этого столпотворения мне удастся занять место рядом с Розмари. Рукав моего свитера задевает ее локоть в джинсовой куртке – посмотрим ли мы друг на друга? Но она так и не поднимает взгляд. Два дюйма[3 - 2 дюйма – примерно 5 сантиметров.] разницы в росте играют мне на руку – я вижу ее экран, пока она пролистывает исполнителей и альбомы, выбирая в итоге «Дышать под водой» группы «Хайатус Кэйоти». Мне становится неприятно, когда я понимаю, что Калев – мой парень, ее бывший – вот уже несколько недель каждый раз ставит эту песню во время готовки, измельчая лук под звон барабанных тарелок.

Затем она сочиняет твит о романе, который сейчас редактирует, – книга удостоилась отзыва «Нью-Йорк таймс». Розмари без конца стирает и переписывает его, и меня так и тянет вырвать телефон у нее из рук. «Я знаю, ты ищешь баланс между гордостью и скромностью, – скажу ей я. – Дай сюда».

Я изучаю ее лицо, пока она не выходит на станции «Атлантик-авеню», в районе Форт-Грин в Бруклине. Следую за ней. Розмари идет вниз по улице,

поворачивает налево, направо, а потом набирает код и входит в современное здание в индустриальном стиле с окнами до пола. Просто бельмо на глазу в окружении старинных особняков из красновато-коричневого песчаника.

Я не могу пойти за ней, поэтому направляюсь в пивной бар с террасой в паре кварталов отсюда. Заказываю брецель размером с мое лицо и пью сезонное пиво: по вкусу напоминает банановый хлеб. Затем звоню Калебу и спрашиваю, не хочет ли он присоединиться.

– Где ты? – спрашивает он.

Прикрыв микрофон рукой, уточняю адрес у официанта. Заговорщицки подмигнув, он шепчет название бара. Я повторяю его Калебу.

Повисает пауза.

– Почему ты в Форт-Грин?

– Пишу сцену, и действие происходит здесь. Сбор данных.

Его голос смягчается.

– Скоро буду.

Положив телефон, я записываю некоторые детали – пешеходный переход, твит, сумка-шопер, локоть в джинсовой куртке, касающийся рукава моего свитера. Это начало книги – моей книги. Кажется, я нашла историю, которую стоит рассказать. До этого я писала только короткие рассказы – не больше двадцати страниц; ничто не цепляло меня настолько, чтобы удостоиться башни из слов. Но наконец-то жизнь заинтересовала меня. Возрадуйтесь, сторонники, утрите нос, скептики – сама я каждый день попадаю то в одну, то в другую категорию – я напишу роман.

Калев приезжает полчаса спустя и с тревожным видом оглядывается вокруг, словно ожидая увидеть призраков. Я окликаю его.

– Что за сцена? – Он садится на соседний стул. – Пытаешься описать, как солнечный луч скользит по изысканному песчанику?

Я наигранно смеюсь, не понимая, издевается ли он надо мной.

– В точку.

– На работе сумасшедший дом, я чуть ли не с самого утра мечтал о баре напротив. Но не думал, что меня занесет настолько далеко.

Кaleb живет в Вашингтон-Хайтс, а я в двухстах кварталах на юг, в Гринвич-Виллидж, что гораздо ближе к его офису в Финансовом округе. Стал бы он видаться со мной так же часто, если б я жила в другом месте?

– Наверное, я очень тебе нравлюсь, – замечаю я.

– Разумеется. – Кaleb откидывает прядь с моего лба. Киношный жест, но это приятно. – Вообще-то я бывал здесь раньше.

Притворяюсь удивленной.

– Правда?

– Ну... моя бывшая живет неподалеку. – Его рука по-прежнему играет с моими волосами. – Мы пару раз заглядывали сюда.

– Черт. Я не знала... вдруг она сейчас объявится?

– Боже, надеюсь, что нет. – Кaleb берет принесенный официантом стакан пива. – Здесь полно других баров.

– Все будет хорошо, – заявляю я с деланой уверенностью и сжимаю его руку, словно напоминая: ты здесь, ты со мной.

* * *

Два дня спустя, в мой выходной, я возвращаюсь к офису Розмари и нахожу скамейку, где можно почитать. У меня с собой книга, которую она редактировала, под названием «Единственный в своем стаде» – сборник эссе, автор которых выросла на скотоводческой ферме в Вайоминге. Я стащила ее из коробки с новинками в кладовке книжного магазина, где я работаю. Официально она выйдет только через несколько недель, но я пообещала себе, что буду быстра и осторожна – никаких следов на страницах или корешке, – а затем просто верну ее в коробку до начала продаж. Мне нужно иметь что-то осязаемое от Розмари, пусть даже ненадолго.

Периодически поглядывая на вращающиеся двери здания, я успеваю прочитать тридцать две страницы, когда Розмари выходит, копаясь в своем шопере в поисках «Рэй-Бенов»[4 - «Рэй-Бен» – известный бренд солнцезащитных очков.].

На углу она поворачивает на запад. Я кладу книгу в собственный шопер – на нем изображена женщина в очках с кипой романов Джейн Остен – и успеваю заметить, как ярко-синее хлопковое платье Розмари исчезает за дверью кафе. У меня тоже в горле пересохло, и мне нужен кофеин. Так что я захожу следом за ней.

Розмари разглядывает исписанное мелом меню. Одна из тех, кто внимательно изучает каждый напиток и при этом все равно заказывает как обычно? Она похожа на любительницу латте на обезжиренном молоке.

– Мне, пожалуйста, масала-кофе со льдом, – просит она у бариста.

– Это же мой напиток, – возмущаюсь я неожиданно громко.

Розмари поворачивается.

Я в ужасе, но все внутри так и кипит. Слова лезут наружу.

– Редко кто заказывает его при мне, – выпаливаю в качестве объяснения. – Но кому-то он должен нравиться, я же как-то узнала, – меня несет, – про существование эспresso с чаем.

Внутри меня все клокочет от того, как ужасно банальна наша первая встреча лицом к лицу, и я вся краснею. Затем Розмари отвечает мне:

– Да, это довольно вкусно. – Она осматривает меня. – Между прочим, классный шопер.

У нее хриплый и неожиданно низкий голос. Манящий.

Я смотрю в пол:

- Большое спасибо.

Мне хочется снова услышать ее голос, но она наклоняет голову, проверяя телефон: наш разговор окончен. Позади булькает кофемашина. Бариста передает ей напиток – у Розмари фиолетовые ногти, – и ее губы смыкаются на соломинке. Я заказываю то же самое, по-прежнему звеня от нервной энергии, и выхожу под яркое октябрьское солнце.

Розмари исчезла.

Я была готова ждать ее весь день, а теперь не знаю, что делать со свободным временем. Я прохожу несколько улиц и сажусь на берегу Гудзона, застегнув цветочный бомбер до подбородка. Времена года меняются, листопад в самом разгаре. Тротуар усыпан золотистыми листьями. Ветер кусается. Мне больше не требуется наносить дезодорант на внутреннюю сторону бедер, чтобы они не натирали.

В приложении «Заметки» на айфоне заново несколько деталей – ярко-синее хлопковое платье, хриплый голос, наш масала-кофе, ее фиолетовые ногти. Позже я выстрою саму сцену.

Сейчас без нескольких минут одиннадцать: Розмари, похоже, выбирает ранние перерывы на кофе. Может быть, она сварила первую чашку на рассвете и медленно потягивала ее на кухне, вдыхая аромат. Может быть, она обычно берет с собой кофе перед тем, как сесть в метро, а потом пытается пить его, зажатая со всех сторон другими пассажирами. А когда наступает предобеденная усталость, она выходит за третьей чашкой. Я тоже целыми днями пью кофе в

надежде, что это заставит меня действовать. Возможно, нас объединяет обезвоживание.

А может быть, Розмари вчера ночью допоздна сидела с друзьями, может, даже ходила на свидание и этим утром проснулась голой в чьей-то постели. Но я не представляю, зачем женщине, влюбленной в кого-то другого, слать своему бывшему – Калебу – электронное письмо с вопросом, как дела и могут ли они увидеться. Зачем им встречаться, если только она не хочет все вернуть и разжечь былую страсть?

Отчасти поэтому я здесь. Чтобы узнать правду. Героиня в моем воображении – я сама, только куда более смелая, решительная, отчаянная. Наблюдать, ничего не предпринимая, – это тупиковый путь. Возможно, мне стоило пролить кофе на ее шопер, или громко рыдать из-за воображаемого разрыва, чтобы привлечь внимание, или схватить мешок кофейных зерен и сбежать с ним. Во имя искусства я готова совершать отчаянные поступки, невзирая на социальные условности. Смотрите: это мой интеллектуальный эксперимент, моя творческая задумка. Кто посмеет осудить меня за такую целеустремленность?

* * *

Я познакомилась с Калемом полгода назад, в мае, в «Тиндере». Мне было двадцать четыре, и я никогда ни с кем официально не встречалась. И вот время пришло. Я хотела стать достойной любви и набрать материала, чтобы написать об этом.

В моем профиле было указано, что я писательница из Нью-Йорка, у меня есть татуировка книжной цитаты и полосатый рыжий кот по кличке Ромео. (Мне пришло несколько однотипных шуток, готова ли я к еще одному «Ромео» в своей жизни: мгновенный бан.) Я добавила фотографии, где улыбаюсь во весь рот на фоне Скалистых гор (значит, активная), стою с пивом (ближе к народу, «на чиле»[5 - Чил, чилить (от англ. chill) – развлекаться, отдыхать.]), смотрю сквозь книжные полки в магазине в очках с роговой оправой (умная, но крутая).

В своем профиле Калек написал только то, что он математик, работает в области моделирования катастроф и переехал из Великобритании. Он выложил всего один – один! – снимок, где он в стильном шерстяном пальто и шарфе стоит на Бруклин-Хайтс-Променад, а позади него вырисовывается контур Манхэттена. Я

редко свайпила[6 - Свайпить (от англ. swipe) – проводить пальцем по экрану.] вправо, если у мужчины в профиле было меньше трех фотографий, но что-то в яркой, открытой, немного смущенной улыбке Калеба покорило меня. Мне показалось, будет весело показать ему мой город.

До Калеба я обменивалась настойчивыми взглядами с симпатичными посетителями книжного, и эти взгляды были продолжительными и глубокими, но никогда ни к чему не приводили, так что я врывалась домой изголодавшейся. Порой у меня было по три свидания в неделю с несостоявшимися певцами-авторами песен, актерами, режиссерами и поэтами из «Тиндера». Первые свидания проходили хорошо, потому что я могла притвориться кем угодно, как и они, – и мы прилежно исполняли свои роли. Смех, долгие многозначительные прикосновения, банки дешевого пива, пафосные разговоры о том, как «творить искусство». Затем мы трахались. В постели я исполняла любые желания мужчин. Второе и третье свидание не заставляли себя долго ждать. Но затем они переставали мне писать. Думаю, дело было в том, что мы больше не смотрелись убедительно в своих ролях. Я говорила себе: не стоит принимать это близко к сердцу – раз я не открылась перед ними по-настоящему, значит, они отвергают не меня.

Возможно, пришло время познакомиться с кем-то милым, честным, нездешним. Кем-то, кому ближе цифры, чем искусство. Кaleb казался замечательным кандидатом.

Первое свидание прошло в баре неподалеку от моего дома, там был автомат для проигрывания песен, аквариум и пыльная коллекция настольных игр. Кaleb выглядел привлекательнее, чем на фото, пожалуй, привлекательнее даже, чем все исчезнувшие из моей жизни мужчины. У него были длинные темные волосы, доходившие до плеч, и почему-то эта деталь казалась важной.

Мы выбрали уединенный столик. За прошлые свидания я привыкла к тому, как каждый из нас по очереди вел монолог, выставляя себя на передний план. Большинство мужчин, с которыми я встречалась, вели себя громко, надменно и были готовы высказаться по любому вопросу, но в то время я великодушно списывала это на уверенность в себе. Язык у тех парней был хорошо подвешен, но слушатели из них были так себе. Думаю, как и из меня.

Спустя всего несколько минут в компании Калеба я с удивлением поняла, как это чудесно и какая редкость, когда тебя слушают, на тебя смотрят, задают

вопросы; это было щедрое и вдумчивое, а не пристальное и нервирующее внимание.

– Наоми, прошу тебя, открой мне великую тайну, – с притворной серьезностью сказал он, когда я допила первую пинту пива: с начала встречи прошло около получаса. – Что за цитата у тебя вытатуирована? Можно посмотреть?

Рассмеявшись, я потянула рубашку вниз, обнажив мелкий курсив на плече сзади ближе к шее: стены раздвинулись до самого горизонта.

– Вероятно, ты ожидал что-то более изысканное, но в детстве «Там, где живут чудовища»[7 - «Там, где живут чудовища» – детская книжка американского писателя Мориса Сендака, входит в число самых продаваемых книг в мире.] была одной из моих любимых книг. Родители читали ее мне практически каждый вечер.

– О, это мило. Настоящая дань чтению как таковому. Так выпьем же, – он поднял бокал, – за наше воображение.

Я просияла, обрадованная его словами, и мы чокнулись.

– Честно говоря, я немного волновалась, так что моя лучшая подруга, Даниэль, заставила меня написать список «за» и «против». Думаю, она беспокоилась, что я запечатлею на заднице предмет своего обожания. – (Это была одна из самых неуклюжих и вымученных шуток на собственный счет). – Но, если список «за» ей понравится, она обещала, что лично поедет со мной в салон.

Даниэль сидела рядом, когда я сжимала ее ладонь, ругаясь и считая от десяти до ста снова и снова, пока все не закончилось. В тот день я планировала почувствовать умеренную боль. (В первый раз, когда мое тело изменили, я была подростком под анестезией, и у меня кое-что отобрали; во второй раз мне хотелось ощутить это – шрам, который я выбрала сама, украшение, заметное и выражающее меня, шрам, который означал наличие, не отсутствие).

– Похоже, Даниэль – хорошая подруга, – заметил Калеб, невесомо очерчивая контуры татуировки, и я поежилась, мгновенно утратив дар речи.

Приятный ритм валлийского акцента и его улыбка – открытая и яркая, точно кусок свежего хлеба, – и вот я отказалась от всех своих заготовленных историй и глупых вопросов, став сама собой.

– Я постоянно обо всем тревожусь, – к собственному ужасу, выпалила я спустя два часа и три бокала пива.

Чудесным образом лицо Калеба не изменилось.

– Я боюсь стать ходячим клише, потому что говорю о писательском мастерстве чаще, чем пишу, – пробормотала я, не в силах сдержаться. – Так было не всегда, раньше я все время писала. Мы с моим братом Ноа еще в детстве поняли, к чему у нас лежит душа, и это редкость, так что я думала, что к этому возрасту достигну большего. Ноа сыграл уже в трех мюзиклах на Бродвее, а ему всего девятнадцать! Это просто невероятно.

Я часто говорю о Ноа, потому что у него интересная жизнь, и люди могут решить, что это относится и ко мне. Все хотят быть знаменитыми – или хотя бы знакомыми знаменитостей, – так что я ждала, что Калев задаст несколько вопросов о карьере Ноа, но он этого не сделал: лишь выжидающе округлил глаза, побуждая меня говорить дальше.

– Конечно, мы куда чаще слышим о детях-актерах, чем о юных писателях, – добавила я, – но я все равно почти все время ощущаю ужасное давление.

– Не волнуйся! – рассмеялся Калев. – Мы всё еще молоды. Спешить некуда. Тебе повезло, что ты знаешь, чего хочешь.

Мне тут же захотелось протянуть руку через стол и сжать его теплые пальцы, но я сдержалась. Почему я так быстро открылась? Обычно на первых свиданиях я вела себя весело и непринужденно.

Глаза Калеба, мягкие и ищущие, и его улыбка, свежая и здоровая, будто хлеб, придали мне сил.

– Ну, хватит, я хочу узнать больше о тебе. Прости, что вывалила все на тебя...

– Не надо извинений, – сказал он сочувствующим тоном и игриво вздернул бровь. – Что ты хочешь узнать?

Все, чуть было не выпалила я.

– Какого рода катастрофы ты предотвращаешь? – спросила я вместо этого.

– Ох, предотвратить их невозможно. Я моделирую уравнения, чтобы оценить потенциальный ущерб.

– Звучит как метафора, – заметила я.

Его смех согревал душу; напряжение покинуло тело. Он начал рассказывать, что общежитие университета Сент-Эндрюс похоже на замок и что по четвергам студенты посещают официальные ужины в большом зале в черных мантиях. От них требуется стоять, пока члены администрации и факультета шествуют по центральному проходу. Студенты не могут сесть за стол, пока вся процессия не займет свои места. Я представила, как внушительно Калеб выглядел в своей мантии.

В тот вечер мы посидели в трех барах: наш импровизированный кутеж. На улице было тепло – пожалуй, даже слишком для мая. Повсюду летала пыльца. Калеб дважды чихнул, и я дважды сказала «будь здоров».

– Я очень признателен, – сказал он, собираясь чихнуть в третий раз, – но ты можешь не повторять это снова.

Пока мы перемещались между барами, я периодически оглядывалась, проверяя, идет ли он рядом, не веря своим глазам.

В последнем заведении – это был темный подвал – все места у стойки были заняты, так что мы устроились у позабытого бильярдного стола.

– Ну, что же, Наоми, мой следующий вопрос едва ли вызовет удивление. Где мне прочесть то, что ты написала?

Я ждала этого вопроса.

Позднее этой ночью – после того, как Кaleb прижал меня к стене здания ради эпичного первого поцелуя, неожиданно страстного и яркого для такого с виду спокойного и собранного человека, – я отправила ему ссылку на рассказ, опубликованный годом ранее. Отчасти автобиографичный, он повествовал о двадцатисемилетнем джазовом барабанщике, с которым я познакомилась в шестнадцать лет. Я описала наши отношения и их конец так, как если бы они имели значение для обоих, и тем самым закрыла эту главу для себя. Я гордилась рассказом и тем, что популярный литературный онлайн-журнал опубликовал его, а также тем, что получила за него пятьдесят долларов: стоимость восьми масала-латте.

Шли дни, а от Калеба не было ни слова: плохой знак. Это же короткий рассказ – на чтение уйдет не больше часа! Возможно, он прочел и ему не понравилось, или он увидел что-то неприятное во мне из этого сюжета, а может...

Десять дней спустя пришел ответ, содержащий больше, чем я надеялась. «Ты превосходно описала эмоциональный мандраж, который (говоря по опыту) ощущается после расставания. С одной стороны, тебе грустно, с другой – ты чувствуешь оптимизм и некоторое очищение». Похвала сама по себе была приятной, но еще больше я обрадовалась тому, что он упомянул свою жизнь до меня, историю, которую мне предстоит узнать. Любить кого-то, подумала я, значит узнать все его истории – это раскопки, которым не счесть конца.

Разумеется, меня порадовал его выбор слов – оптимизм, очищение, – значит, он все пережил и отпустил, это окончательный разрыв.

После второго свидания я привела Калеба домой и прижала его к себе. Стройный, но сильный, он опустил меня на матрас, сорвал мою рубашку, расстегнул бюстгальтер и помог стащить джинсы. «Почему только я здесь голая?» – притворно возмутилась я, указывая на кипу одежды. Кaleb со смехом разделся и расположил губы между моими бедрами. Я впервые осмелилась посмотреть на него – по-настоящему посмотреть, не отводя взгляда, как с другими мужчинами. На меня нахлынули чувства, к которым я не была готова, которые никогда не испытывала, поэтому я встала на четвереньки и выжидающе уставилась в стену.

Кaleb одновременно удивился и развеселился при виде этого.

– Что ты делаешь?

– Трахни меня сзади, – попыталась я прозвучать соблазнительно и уверенно.

Он рассмеялся, и я недоуменно оглянулась, чувствуя неловкость.

– Прости, это выглядело как-то чересчур бездушно. Я хочу смотреть на тебя.

От изумления я не знала, что ответить. Кaleb пощекотал мои ребра и попытался извиниться, но я покачала головой и согласилась с ним. Никто из мужчин раньше не замечал этого.

Откинувшись на подушки, обнаженные, мы разговорились. Он рассказал, как раньше панически боялся забыть свои сны и в университетские годы приобрел привычку нашептывать по утрам обрывки воспоминаний в диктофон.

– И что ты делал с ними? Переслушивал старые сны? Что они значили для тебя?

Кaleb ответил, что ему нравилось просто пересказывать их вслух: «Так я просыпался».

А я рассказала, как мне казалось, будто плюшевые игрушки оживают в темноте спальни и придвигаются ближе ко мне.

– Страшно, – заметил он.

– Они мне нравились.

Утром мы снова занялись сексом, и на этот раз вышло куда лучше, просто замечательно. Мой мозг отключился.

Кaleb снова позвал меня на свидание, и еще, и еще, пока однажды июльским утром я не проснулась с саднящим горлом, жаром и ознобом: врач подтвердил грипп. Я шесть дней не могла вылезти из постели. В лучшем случае это причиняло неудобства, а в худшем убивало всю романтику: мы не обсуждали наши отношения, и я боялась, что Кaleb за это время найдет кого-то еще. Кого-то получше. Я боялась, что поговорка «с глаз долой, из сердца вон» подходит

для нашего случая.

«Если это был хитрый трюк, чтобы избавиться от меня, то он не сработал, – написал Кaleb на шестой день. – Я отлично готовлю суп и чай и читаю сказки на ночь (могу принести «Там, где живут чудовища»). Просто дай знать, если тебе нужна моя помощь :)»

Я перечитывала его сообщения снова и снова и чувствовала, как впервые в жизни без памяти влюблена, хотя это «без памяти» звучит ужасно, будто теряешь драгоценный контроль.

В итоге в конце июля, спустя почти три месяца с начала свиданий, наши отношения стали официальными. Впервые в моей жизни. Теперь я была чьей-то девушкой – девушкой Калеба.

Мама, увидев его фотографию, сказала: о, да он прямо как модель. Папа, узнав, что Кaleb – математик, заявил: умник, значит. Кaleb был идеальным – и в то же время реальным и моим.

В то время о Розмари и речи не шло. Я провела целое лето, не зная ничего о ней. Она появилась в моей жизни с морозом.

* * *

Две недели назад, в самом начале октября, Кaleb пригласил меня на концерт малоизвестной группы из Уэльса – они выступали на небольшой концертной площадке в Нижнем Ист-Сайде. «Они из соседнего города», – прошептал он с гордостью, хотя его заслуги в этом не было. После концерта мы неспешно направились в бар, и тут пошел дождь. «Даже погода как дома», – усмехнулся Кaleb, и его акцент магнитом притянул меня ближе, когда холодные капли с неба застучали по тротуару.

Пока с бутылок пива «Пасифико» стекал конденсат, а по окну струились капли дождя, я жаловалась, что мои волосы распушились и вьются. Кaleb обернул несколько прядей вокруг указательного пальца и заметил, что ему нравится, как они приподнимаются от дождя, будто пар. Вскоре после этого я перестала выпрямлять волосы.

Наконец он выпутал указательный палец и поставил свой «Пасифико» на стол.

– Так, мне, пожалуй, следует сказать тебе, что моя бывшая пару дней назад прислала мне письмо, – произнес он. – Мы не виделись где-то год: в последний раз она так разрыдалась, что нам пришлось уйти из кафе.

Мои пальцы судорожно сжали бокал.

– И что... что было в этом письме?

– Да ничего такого. Она спросила, как дела, предложила встретиться. Я, наверное, напишу что-то короткое в ответ. Но... – и тут Калев посмотрел мне в глаза в поисках то ли разрешения, то ли благодарности, – встречаться с ней я не планирую.

– Что ты имеешь в виду? Как вы можете увидеться? Ты поедешь домой на Рождество?

Он покачал головой:

– Нет, она здесь. В Нью-Йорке. Американка, как ты. Она училась за границей, в Сент-Эндрюсе, так мы и познакомились, но затем она вернулась в Нью-Йоркский университет.

Мой позабытый напиток оставил мокрые следы на барной стойке.

– Мы знакомы почти полгода, и ты впервые упоминаешь о ней?!

– Ну, я думал, это в прошлом! Мы не общались до этого письма, которое пришло буквально вчера...

– А вдруг я прошла мимо нее на улице, не зная об этом!

Он был поражен:

– Прости! Я вовсе не собирался скрывать это.

По правде говоря, девушка из Сент-Эндрюса упоминалась несколько раз, равно как и эмоциональный срыв после их разрыва, но я-то наивно полагала, будто его бывшая надежно заперта в прошлом, за границей, с акцентом, как у него. Акцентом, в котором для него нет ничего необычного. Кaleb никогда не упоминал, что пересек океан, чтобы быть с ней.

Но теперь-то я знала и начала жадно выпрашивать подробности.

– Вообще-то она из издательского мира, – сказал он. – Много читает, как и ты.

Теперь вероятность того, что мы могли оказаться знакомы, только возрастала.

– Боже, чем именно она занимается? Где она работает?

– Сюрприз, сюрприз, я предпочел бы больше не говорить о ней. Вечер был таким чудесным. Не хочу его портить.

Я оставила его в покое – по крайней мере, на время, – но в душе задавалась вопросом: Кaleb не назвал мне ее имени, значит ли это, что он еще недостаточно мне доверяет или хочет сохранить эту часть своего прошлого – ее – при себе? Или так он подчеркивал мою реальность, в то время как она всего лишь переменная; как в математике – одна из множества. Прошрое. Но мне отчаянно хотелось знать ее имя.

Почему она вдруг объявилась спустя год после разрыва? Интересно, сколько черновиков она набросала и переписала, прежде чем письмо ушло Калебу? А ее фразы – они короткие и отрывистые или длинные, мечтательные, полные самооправдания? Сколько раз она использовала слово «мы»? Использовала ли она восклицательные знаки (глупо) и двоеточие (показушно)?

– Почему вы расстались? – спросила я.

– Гнет ожиданий, как-то так. После двух лет отношений на расстоянии мы знали, что одному из нас придется переехать. Я тогда оканчивал магистратуру в Лондоне, и мы выбирали между нашими городами.

– И почему она не переехала к тебе?

Я бы, не задумываясь, воспользовалась шансом начать жизнь заново, особенно рядом с любимым человеком. Так начинаются хорошие истории.

– Она сказала, что у нее корни росли сильнее, чем у меня. Может, и так, не знаю. Я нашел работу, получил визу, и все случилось в мгновение ока – она очень старалась вписать меня в свою жизнь. Я тоже прикладывал усилия, но не был счастлив. Не знаю почему. Ее бесило это, потому что она не понимала причин. Столько лет вдали друг от друга, и вот наконец мы вместе, должны быть... счастливы. – Кaleb отряхнул джинсы. – Казалось, будто, что бы я ни говорил, что бы ни делал, ее это не устраивало. Но я по-прежнему любил ее, а она меня, поэтому все было так странно.

Слово «любовь» повисло тяжелым грузом, будто чемодан за спиной. Интересно, сможет ли он однажды – не сейчас – снова открыть этот чемодан. И нужна ли ему будет моя помощь.

– Она хочет от меня больше, чем я могу дать, а я правда не могу.

Этот переход от прошедшего к настоящему времени ощущался как удар под дых.

– И ты никогда не думал возобновить отношения?

Кaleb ответил не сразу, и в эти бесконечные секунды я воображала, как сейчас он скажет, что я просто временное развлечение, бледная копия, мостик между их совместным прошлым и будущим. Никто не станет в корне менять жизнь ради человека, которого не рассматривает как серьезного спутника жизни, разумеется, он ни за что не сдастся...

– Нет, конечно нет. – Кaleb переплел наши пальцы.

Мое сердце колотилось, когда я осознала – и тут у меня неприятно закружилась голова, – маленькая или, возможно, не такая уж и маленькая часть меня хотела, чтобы мне твердо сказали: ты недостойна, потому что тогда можно было бы положить этому конец, свести на нет весь риск, присущий любви.

– Я дорожу нашими отношениями, Наоми, – продолжил Кaleb. – Разве ты этого не знаешь?

Проглотив комок в горле, я кивнула.

Он притянул меня за бедра, и какое-то время мы просто целовались.

– А все-таки забавно, – я отстранилась, – что мы одного типажа.

Кaleb нахмурился:

– Ты о том, что вы обе любите книжки?

Мне удалось рассмеяться.

– Да, глупыш, мы обе любим книжки.

– Честно говоря, вы ничуть не похожи.

Его слова застали меня врасплох, и я сразу же заволновалась, как и почему хорошо это или плохо. Мне нужно было дать отпор своей паранойе, а затем побороть ее – и для этого требовалось исследование.

Той ночью, пока Кaleb спал в моей кровати, я села за кухонный стол и открыла компьютер. Используя всю полученную информацию, я вбила в поисковик «Гугл» беспорядочный набор слов: «Сент-Эндрюс, издательский бизнес, Университет Нью-Йорка». Я пролистывала имена и лица на «Фейсбуке» [8 - 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.], пока не наткнулась на фотографию девушки рядом с Кalebом – моим Кalebом.

Розмари Пирс.

Густые брови, волнистые темно-рыжие волосы, грушевидная фигура, книжки – возможно, на этом наше сходство действительно заканчивалось. Разве может Наоми Экерман соперничать с Розмари Пирс? Ее имя было гладким и сладким на

вкус. Я выпятила губы, чтобы произнести его. Оно ощущалось как поцелуй.

В своем профиле Розмари указала место работы – редактор в крупном издательстве, что значило: стопка рукописей по дороге домой на метро. Вот зачем ей шопер. А я большую часть времени провожу за кассой книжного магазина, продавая книги, которые могла редактировать Розмари – разные звенья одной цепи. Но только звено Розмари неоспоримо выше.

За исключением пары других деталей (например, она родилась 29 мая 1991 года – двадцать семь лет, ровесница Калеба, на три года старше меня, – значит, Близнецы, что немаловажно), почти все остальное было скрыто настройками приватности. Мне удалось посмотреть лишь три фотографии профиля. На аватарке Розмари стояла рядом с женщиной постарше – судя по подписи, мамой – на фоне Гранд-Каньона, где я никогда не бывала. На втором снимке, опубликованном где-то в период расставания, Розмари была рыжеватым пятном в группе блондинок: обнявшись за плечи на какой-то бруклинской террасе, они поднимали вверх бокалы белого вина, освещенные багряным закатом. Ничего оригинального.

На этих двух фотографиях губы Розмари были сжаты и приподнимались только уголки, но на третьем снимке, выложенном через год после ее знакомства с Калемом, Розмари стояла с ним под руку в фиолетовой мантии выпускника, и ее зубы ослепительно блестели в редкой открытой улыбке. Калев был коротко подстрижен и одет в темно-серый костюм, но не узнать его было невозможно. Они стояли под аркой в Вашингтон-Сквер-парк, сияя от радости и гордости, как будто это их рук дело. Наверное, он специально прилетел в Нью-Йорк, чтобы поздравить ее.

Мысль об этом удивительным образом причиняла боль.

Затем мне удалось найти и прочитать старый блог на «Тамблер», который Розмари вела, пока жила за границей. Интересно, она тоже села на самолет в Британию с наивными надеждами, как я, когда полетела учиться в Австралию – необратимые перемены, потрясения, приключения, достойные книги.

Сначала она писала о пейзажах – пустоши и туман – и занятиях по литературе, а затем перешла на романтическую тему, описав некоего валлийца, который жил по соседству с ней. Начиная с этого момента блог был посвящен исключительно

кафе, которое они с Калемом часто посещали; пабу, где сидели часами, пока снаружи лил дождь; секретным маршрутам Сент-Эндрюса, которыми поделился с ней Калем; и окрестностям Файфа – Анструтер, Эли, Эдинбург, – где они резвились (выражение Розмари) по выходным. Ее прозе, хотя она была отточенной, чистой и строгой, не хватало определенного единообразия. Я почувствовала облегчение. Хотя Розмари явно умна и начитанна и умеет строить предложения гораздо лучше большинства населения, она точно не писатель, по крайней мере не такой, как я; у писателя есть свой голос.

Я несколько часов читала блог. Но чем дольше Розмари жила за границей, тем реже она писала о своих отношениях, пока в один прекрасный день посты не прекратились. Реальность оказалась слишком хороша для блога? То, что начиналось как достойная история, претворялось в жизнь. Калем был лучше фантазий.

Почувствовав подступающую панику, я начала мысленно перестраиваться. Мне нужно было написать о чем-то (или о ком-то) новом, и я выбрала любовь. (Я убедительно писала о несчастной любви, основываясь на собственном опыте; два опубликованных рассказа были тревожными и депрессивными, но, по мнению читателей в интернете, жизненными.) Раз любовь – универсальный опыт для всего человечества, а писателей призывают писать на знакомые темы, я надеялась испытать это чувство хотя бы однажды. Когда Калем предложил принести суп во время мой болезни, я подумала: «Вот оно, уже близко». Я чувствовала, как оно нарастает внутри – когда я смотрела в глаза Калему, мне хотелось то ли смеяться, то ли упасть в обморок, все признаки налицо, – но теперь мне открылась другая история, возможно, параллельная, и к ней я не имела никакого отношения. Мне казалось, это что-то редкое и особенное – математик из Уэльса и книжный червь из Нью-Йорка! Ничего общего! Но что-то тянет их друг к другу! Но это была всего лишь отточенная схема, в которую я легко попала. Жалкая копия.

Как я могу переписать нашу историю, чтобы она стала моей?

Порывшись в недрах интернета, я нашла аккаунт Розмари в «Инстаграме». Зайти туда было невозможно – он был закрытым. Мой аккаунт же был публичным. Я знала, приверженцы закрытых профилей зачастую смотрят свысока на тех, у кого аккаунт открыт, будто это означает бесстыдную потребность во внимании, но с тем же успехом можно утверждать, что от частных аккаунтов несет элитарностью, исключительностью: ну и что с того, что мне нравится, когда

незнакомцы пролистывают мою жизнь, достраивая мой образ в собственной голове?

На следующее утро я принялась за дело. Пока покупатели сновали по магазину, я, сидя за кассой, создала анонимный аккаунт в «Инстаграме» под названием «Книги и кофе». В нем будут фотографии того и другого. Я бродила вокруг полок в поисках нейтрального фона для первого снимка. Наш магазин оформлен в стиле лофт: высокие потолки, голый кирпич. Шесть полок с художественной и нехудожественной литературой тянулись вдоль задней стены, а все остальное пространство занимали деревянные столы, уставленные ароматическими свечами, кружками с литературной тематикой, магнитами на холодильник, поздравительными открытками и раскрасками для взрослых – для успокоения нервов. Когда я благополучно устроилась в пустом проходе, то поставила свой масала-латте на полку и сделала несколько фотографий под тщательно выверенным углом. Наложив фильтр, я опубликовала снимки, сопровождая их книжными хештегами (#книгомания #книжныйблогер #книгочей). Сорок пять минут спустя у меня уже было тридцать семь подписчиков. Теперь аккаунт выглядел достаточно подлинным и безобидным, чтобы запросить подписку у Розмари. (Она ведь указала в описании «редактор книг», это не должно было стать сюрпризом.)

Перевернув телефон экраном вниз, я отложила его подальше, чтобы не было соблазна проверять его каждые несколько минут, и через настольный компьютер зашла на сайт издательства в поисках краткого списка книг, которые редактировала Розмари. Я изучила их все, отслеживая ее предпочтения.

Скоро началась смена моей коллеги Луны, и я устроила себе обеденный перерыв в пиццерии через дорогу. Откусив кусочек, я заглянула в «Инстаграм» и увидела, что Розмари приняла мою подписку. Пицца тут же потеряла для меня всякий интерес. Вытерев жирные пальцы, я начала изучать прошлое Розмари. Быстрый подсчет показал: она выкладывает снимки в ленту реже меня – в среднем раз в месяц, а не раз в неделю. Возможно, ее жизнь не столь интересна, как моя (вряд ли), а может, она меньше нуждается в чужом одобрении.

Пока я искала следы Калеба, то споткнулась о геотеги из различных баров Манхэттена и Бруклина и концертов в нескольких заведениях, куда мы с Калебом часто заглядывали.

Наконец я нашла фото, где Кaleb стоял, глядя на океан, на пустынном берегу Уэст-Сэндс-бич. Хмурое небо. Его зимнее пальто казалось недостаточно теплым. Снимок был выложен шесть лет назад – последний год учебы Розмари в Сент-Эндрюсе, за пару недель до ее возвращения в Нью-Йорк и начала фазы тоскования. Некая Мэри-Энн оставила комментарий: «Хорошо вам провести время!» Некая Элизабет добавила: «Обязательно загляни в Лондон до возвращения в США. Целую». Подпись к снимку гласила: «Очень подходящий меланхоличный саундтрек к нашим последним выходным: «Лох-Ломонд» от @ранриг». Это звучало как приглашение, так что я надела наушники и отправилась на «Ютуб». Мужской голос пел: «Ты пойдешь по горам, а я по долине, но буду в Шотландии прежде тебя». Я представила, как Розмари и Кaleb держатся за руки на грязных дорожках в парках Сент-Эндрюса или на продуваемых ветром пляжах, как она проводит пальцем по уравнениям в его блокноте, спрашивая, что он пытается решить.

Они превращались в персонажей, которых я могла записать, использовать и, может быть, даже сохранить. В конце концов, любой эпизод моей жизни подвергался тщательному изучению с точки зрения нарратива: все было на виду и могло быть переписано, замаскировано под Историю. Их же история стала частью моей; мы пересеклись. В новом сюжете мы все трое вновь переживем наши роли.

Следующие две недели я посвятила знакомству с Розмари. Мне пришлось как следует попотеть ради каждого обрывка информации в интернете. Но вскоре этого стало недостаточно: мне хотелось быть ближе, дышать тем же воздухом.

Отсюда: мятная конфета, сумка, ее джинсовая куртка, задевающая мой локоть.

Отсюда: все, что случилось дальше.

Глава вторая

С тех пор как я последовала за Розмари в кафе и впервые заговорила с ней, прошло несколько часов. История начинается здесь, хотя я понятия не имею, как она будет развиваться. Прокручиваю нашу встречу в голове, протискиваясь между коллегами Калеба в баре на Нижнем Ист-Сайде.

Пьяные или трезвые, они говорят на особом языке: расчеты страховых убытков, вероятностные модели, скорость ветра, штормовой нагон, генерация событий.

Коллеги Калеба расступаются, приглашая меня в свой круг, точнее многоугольник, но как знать – возможно, им больше нравилось видеть Розмари. Вдруг они сравнивают нас – и не в мою пользу?

Я беру руку Калеба и переплетаю наши пальцы. Он с удивлением опускает взгляд: обычно это он проявляет инициативу, а я прижимаюсь к нему с благодарностью. До Калеба я никогда ни с кем не держалась за руки.

После трех бокалов «Бруклин Лагерьс» Калев вступает в жаркий спор о политике. То и дело до меня доносится «Брексит» и «Трамп», но я слушаю лишь краем уха. (Нас всех хлебом не корми, дай только порассуждать о том, насколько ужасен Трамп, но дальше-то что? Да ничего – и это жалкое зрелище; все мы жалкие.) Однако впервые на моей памяти Калев повышает голос. Это неплохое качество, но ему не идет – обычно он говорит так тихо, что мне приходится подносить ухо поближе и вслушиваться. Доказывать, что я достойна это услышать.

Позже тем же вечером, в метро, по дороге до моей квартиры, я пытаюсь как бы между прочим вывести что-то еще.

– У меня еще один вопрос о Розмари.

Калев с удивлением поворачивает голову:

– Откуда ты знаешь ее имя?

Черт, это провал. Я и забыла, что он всегда называл ее просто «моя бывшая». Каким-то чудом мне удастся сохранить простодушный вид.

– Ой, я поискала ее в интернете. Мне было интересно, в каком издательстве она работает, – поглаживаю кожу между его пальцами. – Это ненормально? Пожалуйста, скажи, что нет. Это просто любопытство.

Почесав щетину на подбородке, он опускает руки на колени.

– Все в порядке. Я просто не знал, что ты до сих пор об этом думаешь. Так какой вопрос?

– Что, если вас обоих пригласят на одну и ту же вечеринку?

Резкий смешок, как будто я сказала что-то невероятно абсурдное.

– Наоми, у нас нет общих друзей, по крайней мере в Нью-Йорке. Мы тусовались с ее друзьями по выходным, но я не вписывался в их компанию – особенно мужскую. Их американский юмор мне как-то не зашел. «Пацанский» стиль или как-то так. – Он слабо улыбнулся. – Когда мы расстались, никому не пришлось выбирать сторону: все они уже были на ее. Моя социальная жизнь теперь ограничена баром после работы и тобой, конечно же. – Кaleb перевел взгляд на меня. – Ты мой лучший друг.

Подобная откровенность застаёт меня врасплох, и я, потеряв дар речи, целую костяшки пальцев его правой руки. Надеюсь, он понимает – это означает взаимность.

Затем передаю ему один наушник, чтобы мы могли слушать одну и ту же музыку.

– Плейлист на рандоме, – объясняю, но это неправда. Для затравки пара песен «Маунт Кимби», и вот он уже кивает в такт, и я, наклонив плеер к себе, нажимаю на «Лох-Ломонд» группы «Ранриг». Я слежу за его лицом, как только начинается песня, – ничего.

– Благодарение богам рандома, – возношу руки к потолку, облакам, небесам, чтобы все прошло удачно. – Люблю эту группу. Извини, если песня навевает тебе тоску по дому. Ты ее знаешь?

Калебу наверняка уже надоела моя постоянная привычка дергать его при каждом упоминании Великобритании, но он уже должен был смириться с ней – и он никогда прямо не выражал своего недовольства, – поэтому я продолжаю так поступать.

– В общем и целом, – говорит Кaleb. – Это популярная песня.

На этом тема закрыта, и я переключаю плейлист на что-то ритмичное, пытаюсь поймать взгляд Калеба. У меня не получается. Он зевает, закрывает глаза и сидит так всю дорогу до дома. Мне остается смотреть на свое отражение в темном, грязном окне вагона.

Мы выходим на Западной Четвертой улице и движемся сквозь темноту к моему дому из песчаника. В коридоре возле квартиры я не вставляю ключ в замок. Вместо этого стягиваю колготки и задираю платье. У Калеба отвисает челюсть, но пальцы рефлекторно движутся туда, где уже влажно.

Не время осторожничать. Наклонившись вперед, я припоминаю более рискованные места, где мы занимались этим: уединенный уголок в Риверсайд-парке сырой августовской ночью, туалет для инвалидов на концерте, конец тропы в долине Гудзона во время сентябрьского похода, когда я взяла в аренду в «Зипкаре» вишнево-красный автомобиль и мы отправились на север. После похода и секса – его штаны болтаются у лодыжек, мои руки прижаты к дереву – я пинцетом вытащила из голени Калеба голодного клеща, чье шарообразное тельце раздулось от крови.

В постели Калек обычно начинает с того, что опускается между моих ног – теперь я думаю, может, это Розмари так приучила его? Была ли она такой же спонтанной и дерзкой, как я, иницируя секс? Вела ли она себя громче? Тише? Как ей нравилось: лежа, сверху, на четвереньках? Она тоже раньше просто выполняла чужие желания? Заметил ли он это, сказал ли? Или, наоборот, это она требовала от него больше, это она изменила его поведение?

Мы с Калек знакомы полгода, и ни один из нас до сих пор не сказал «Я люблю тебя». Каждое утро я осматриваю тело на предмет признаков влюбленности – как если б это были царапины или синяки.

Я буду достойна любви и смогу писать о ней.

Калек способен на такую любовь, он ведь пересек океан. Может ли он испытать это чувство вновь, с той же силой? Стоит ли мне уехать? Последует ли он за мной?

* * *

После работы Даниэль пришла ко мне домой с пиццей. Мы прикончили по кусочку каждая, и она спросила, как у нас с Каледом дела. «Он тебе подходит, – заявила Даниэль пару недель назад. – Он очень милый и спокойный. То, что нужно».

Мне и впрямь это нужно.

Мне много чего нужно.

– У нас все отлично, – отвечаю я, а мои губы блестят от жира.

Мы с Даниэль всегда очень долго обсуждаем парней. Минут сорок спустя кто-то из нас обязательно говорит: «Хватит уже про мужиков, давай обсудим что-то важное». И тогда мы переключаемся на наши карьерные планы и семьи. Но в конце концов все снова сводится к парням.

– Как успехи на писательском поприще? – Даниэль тянется за вторым куском. Сыр съезжает и падает на пергаментную бумагу.

Это та часть, где мы обсуждаем карьеру.

– Я наконец-то придумала тему для романа! Я вся в предвкушении.

– И о чем он будет? – Она закидывает беглый сыр в рот.

Ненадолго задумываюсь. Сказать правду или...

Даниэль всегда верила в меня. По всем статьям она отличная подруга. Мы познакомились на первой неделе учебы в Университете Колорадо и тут же сдружились на почве чувства неприкаянности. Будучи уроженками Нью-Йорка, мы любили сбегать из города на свежий воздух, но не до такой степени, чтобы спать в палатках, облегчаться в кустиках или вешать еду на деревья во время походов с ночевками. Точно так же нас не привлекало общество хардкорных лыжников или скалолазов. Вместо этого на зеленой «Субару Аутбэк» Даниэль мы мотались одним днем в Сад богов, на гору Шайенн или к Красному каньону, где бродили, болтая часами напролет о том, какая прекрасная жизнь нас ждет, когда мы закончим учебу, вернемся в Нью-Йорк и наконец-то реализуем свое

предназначение: я писательница, она актриса. Нам казалось, мы с легкостью станем этими идеальными версиями себя, хотя по доброте душевной (или же это было нежелание портить идеальную картинку?) я никогда не напоминала ей, что Ноа, несмотря на ранний успех и явный талант, по-прежнему приходится часами торчать на пробах в комнатках без окон с десятками других парней, которые выглядят точь-в-точь как он.

Я всегда верила, что меня ждет блестящее будущее. Но я не знаю, как попасть туда. У меня пока было две публикации и есть наброски романа, а Даниэль работает в приемной у стоматолога, и в ее резюме нет других строчек, кроме пары пьес в университете.

Даниэль всегда верила в меня, и я могу доверять ей, но, с другой стороны, отлично понимаю, как странно будет звучать предпосылка моего романа. Так что лучше немного слухавлю, иначе она обязательно попытается отговорить меня – и не преуспеет. Пускай моя лучшая подруга не беспокоится и не чувствует себя обязанной удержать меня от хождения по краю.

Так что я просто меняю роли местами. Забавно же будет, если Розмари, в свою очередь, заинтересуется мной? И в таком случае наше взаимное помешательство станет чем-то невинным, безвредным.

– Это про девушку, которая помешалась на новой пассивности своего бывшего. Я знаю, это не самая свежая идея, но...

Она перебивает меня:

– Это триллер?

– Ты имеешь в виду, дойдет ли дело до убийства?

– Именно.

– Никаких убийств! Разве только чтобы пощекотать нервы.

– Я всегда за то, чтобы пощекотать нервы. – Даниэль указывает на мой лоб. – У тебя здесь всегда было столько историй. Чем навеяна эта?

Я принимаю беззаботный вид.

– Кaleb недавно упомянул свою бывшую, и, оказывается, она живет в Бруклине, а не в Уэльсе, Лондоне или Шотландии, как я думала. Так что я слегка психанула.

– Упс.

– Именно. Так что в качестве утешения я начала прокручивать в голове разные сценарии. Например, что, если она до сих пор любит Калеба и попытается помешать нам?

– Богатая тема... Наконец-то ты перестала писать про этого джазового барабанщика.

– Эй, а вот это грубо! Вообще-то эти истории напечатали.

– Знаю, знаю, они классные, но он фигурирует в каждом твоём рассказе, ты уже высосала все, что только можно, из этого бедолаги.

Долгое время Адам, джазовый барабанщик, был моим единственным источником вдохновения; на нём мой опыт практически заканчивался. Но я никогда не рассказывала реальные истории. Теперь я буду писать более жизненно, но при этом готова слукавить, если это будет выгодно оттенять правду.

Итак, правда номер один: я живу в этой однокомнатной квартире в Гринвич-Виллидж бесплатно. Моя бабушка приобрела этот дом из песчаника в конце 1970-х. Квартиры на втором, третьем и четвертом этаже она всегда сдавала, а пятый этаж пустовал: там организовано рабочее пространство, подальше от собственной квартиры. Моя бабушка была первым писателем в семье – сценарист трех ТВ-шоу и автор мемуаров «Смех как лекарство», опубликованных крупным издательством, – а я пытаюсь идти по её стопам.

– Хорошо, новые сюжеты. Отныне только так.

– Обещаешь? – Даниэль протягивает мизинец. – Я сказала себе, что не допущу больше никаких нездоровых отношений.

На словах «нездоровые отношения» я отрываю кутикулу, но тут же соединяю ее мизинец со своим.

Чтобы сменить тему, спрашиваю Даниэль про ее босса-стоматолога, она лишь фыркает и пересказывает его утомительные двусмысленные шутки о профилактическом осмотре. В середине рассказа я сбегаю в туалет.

Там открываю «Инстаграм» и просматриваю истории Розмари. Двумя минутами ранее она сфотографировала свой ярко-оранжевый, словно пламя, коктейль. На заднем плане виднеются чьи-то руки и ключица. Похоже на группу людей: возможно, коллеги оттягиваются после работы, или это чей-то день рождения. Снимок сопровождается геотегом: это некий бар в Гованусе. Я прикидываю маршрут, надеясь, что она задержится там еще на пару часов. «Счастливые часы» в барах давно закончились. Скорее всего, это последнее место на сегодня.

Когда я возвращаюсь, Даниэль точно так же просматривает свой «Инстаграм». Под ее пальцами вихрем проносятся тосты с авокадо, парадные снимки знаменитостей, закаты на пляже. У меня начинает кружиться голова.

Подойдя к раковине, плещу холодной водой себе в лицо.

– Давай куда-нибудь сходим, – предлагаю я с мокрым лицом. Несмотря на увещевания Даниэль, этот вечер отлично подходит для исследования; у меня все под контролем.

Подавшись вперед, подруга демонстративно кладет голову на стол.

– Неужели нельзя просто посидеть тут с бутылкой вина?

– Еще чего. Сегодня пятница! Старость не за горами. Луна рассказала мне об одном новом местечке в Гованусе, там вроде как делают классные коктейли.

– Уф, ну ладно. – Даниэль открывает мой мини-бар, достает фляжку и наполняет ее джином. – Кстати, о тусовках: в следующие выходные мои чудачи-соседи устраивают вечеринку по случаю Хэллоуина. Скажи, что придешь!

Даниэль живет с двумя соседями, которых она нашла по объявлению, – один графический дизайнер, второй оператор, – в Крейн-Хайтс. Они со странностями и прижимистые, но в целом нормальные.

– А ты не можешь прогулять?

– Еще чего, я должна проследить, чтобы никто не разнес мой дом или что похуже. Но мы можем отпраздновать заодно твой день рождения! Разумеется, Калев тоже приглашен.

Мне исполнится двадцать пять 29 октября: Скорпион до мозга гостей.

– Ладно, я в деле.

– Ты просто душка. – Она запихивает фляжку в лифчик.

Мы пьем по очереди, пока едем в метро, но большую часть выпиваю я. На выходе нас окружает осенняя прохлада, и я не успеваю собраться с мыслями перед тем, как войти в бар. Все происходит слишком стремительно. Внезапно я жалею, что со мной Даниэль. С другой стороны, мне нужна поддержка.

Свет в баре приглушенный, в оранжево-розовых тонах. Музыка ревет, гремят басы. Мы протискиваемся сквозь толщу тел, чтобы заказать выпивку, и я рада, что здесь столько народу – это немного успокаивает.

Я оглядываюсь сначала в поисках туалета, а затем в поисках Розмари – вот она, стиснута людьми с двух сторон, спина прижата к окну. На ней укороченная водолазка зеленого цвета. Мне водолазки не идут, но на ней смотрится здорово.

Сажусь рядом с каким-то качком, потягивая джин с тоником. Даниэль тут же принимается флиртовать с моим соседом, поэтому я могу сосредоточиться на Розмари.

В отличие от меня она не держится за свой коктейль, как за спасательный круг. Отпив глоток, отставляет бокал, делая перерыв. Я же обычно пью едва ли не залпом – лишь бы поскорее стать той остроумной болтушкой, за которую меня все принимают.

Розмари молчит уже несколько минут. Наверное, она умеет слушать, и друзья приходят к ней выговориться. Но что, если это Розмари нужно выговориться? Я могу стать таким другом для нее.

Вскоре она встает и направляется в уборную. Склонив голову, я начинаю рыться в сумочке в поисках помады. Мои пальцы обхватывают тюбик, и я украдкой бросаю виноватый взгляд на Даниэль. Они с качком увлеклись беседой, суть которой ускользает от меня за басами, а его рука касается ее спины. Она не возражает, значит, он ей нравится, и мне уже не так стыдно сбегать.

В уборной я бросаю взгляд на кабинку и сквозь щель внизу вижу коричневые замшевые ботильоны на шпильке. Просто, но сексуально.

Раздается звук смыва. Мой выход. Подношу помаду ко рту и наклоняюсь к зеркалу. Губы медленно окрашиваются в красный. Розмари подходит к раковине и поворачивает оба крана с холодной и горячей водой, чтобы добиться идеальной температуры.

Я специально смазываю помаду. Она попадает на зубы.

– Вот блин, – ругаюсь я, – вечно так.

Кто-то мог бы улыбнуться из вежливости, кто-то бы не обратил внимания на девушку, напортачившую с помадой и чертыхающуюся себе под нос, но Розмари то ли пьяная, то ли слишком добрая, то ли сама когда-то была несчастной девочкой, которая неумело красила губы в туалете, но только она отвечает мне:

– Каждый раз, когда крашу губы, чувствую себя так, будто мне снова десять и я таскаю вещи у мамы.

У нее в носу серебряное колечко. Как это я раньше не заметила? Хотя, может, она не носит его на работу, чтобы не показаться непрофессиональной.

– Я была без ума от фиолетовой подводки в старшей школе, – отвечаю ей. – Выглядела, как клоун.

Намыливая руки, Розмари поворачивается ко мне, и я затаиваю дыхание. Что, если она вспомнит меня в том кафе? Вдруг она что-то заподозрит? Она сбежит или накинется на меня?

Наши взгляды встречаются. У нее удивительно зеленые глаза.

– Всеми виной те дурацкие советы из «Космо», – улыбается она.

– Точно! Все статьи там в стиле «Как подвести глаза, как у кошечки» или «Стань профессионалом в этих семи позициях для быстрого секса», – в ужасе застываю: я что, правда только что использовала словосочетание «быстрый секс» в разговоре с бывшей своего парня? О.Бо. Же. Мой.

Но Розмари только смеется и выглядит одновременно удивленной, радостной, уставшей и заинтригованной.

– Воистину цитадель искусства и изящной словесности, – говорит она. – И, бесспорно, лучший журнал, чтобы скоротать время в полете.

Спешно киваю:

– Абсолютно!

Повисает неловкая пауза, и слышно, как течет вода в раковине. Закончив мыть руки, Розмари закрывает кран, и я понимаю – наш разговор закончен, она вот-вот уйдет. У меня есть только одна попытка удержать ее.

– Рискую показаться сумасшедшей, – начинаю я, – но у меня такое ощущение, будто мы где-то виделись.

Она сминает бумажное полотенце в руках:

– Правда?

– Да, точно не скажу, но ты кажешься очень знакомой.

Мне хочется сказать: «У нас с тобой один парень на двоих. Когда-то он касался тебя. Сегодня он прикоснется ко мне».

– Знаешь, мне постоянно такое говорят, так что то ли у меня такая типичная внешность, то ли это проекция в чистом виде, и ты принимаешь меня за кого-то другого, – рассуждает Розмари, разглядывая себя в зеркало.

– Нет! – практически кричу, затем сдерживаюсь: я не ожидала, что она внезапно ударится в философствования. – Ничего типичного, то есть, прости, я работаю в книжном в Бруклине. Сотни людей в день, и обычно все лица сливаются в одно, но твое я откуда-то помню.

Розмари резко сужает глаза, и я тут же изображаю беззаботный смешок.

– Да уж, звучит как бред сумасшедшего.

– Немного, – кивает она. – Но я работаю в издательстве, так что точно побывала во всех книжных города. Ты из какого?

– «Лит-хаус».

Лицо Розмари светлеет.

– Люблю это место, кажется, у одного из моих авторов скоро там выступление.

Делаю мысленную пометку немедленно проверить наш календарь событий, чем я обычно не занимаюсь. Обычно Луна напоминает мне – часто утром того же дня, – кого мы ждем вечером.

Бумажное полотенце летит в мусорную корзину, и Розмари тянется к дверной ручке.

– Друзья, наверное, уже потеряли меня, так что мне пора.

– Ой, точно, мне тоже.

В глубине души надеюсь, что Даниэль ушла с тем качком, потому что я получила то, за чем пришла, и буду чувствовать себя менее виноватой, если повезет и ей.

– Тогда, наверное, скоро увидимся в книжном.

– Вполне возможно! Кстати, меня зовут Розмари.

Какое облегчение. Мне больше не нужно беспокоиться о том, что я случайно назову ее по имени, до того как она представится.

– А меня Наоми.

– Приятно познакомиться, Наоми. Отличного вечера!

– И тебе!

Дверь закрывается, и я стираю пальцем помаду с зубов.

Когда я выхожу из уборной, Розмари уже сидит на своем месте и не поднимает взгляда, когда я прохожу мимо. Две блондинки рядом с ней знакомы мне по фотографии в «Фейсбуке»: белое вино, крыша, багряный закат.

Оглядываю бар в поисках Даниэль, но ее нигде нет.

В телефоне обнаруживаются пропущенные сообщения.

Десять минут назад: «Ты где?»

Четыре минуты назад: «Не знаю, где ты, но этот парень позвал меня в другой бар. Извини, но он работает в кастинге. Ненавижу себя и этот дурацкий бизнес, но таковы правила игры. Мы ведь увидимся на вечеринке в выходные? Приходи пораньше! И ответь мне, чтобы я знала, что ты не валяешься в какой-то канаве».

«Прости, прости, я жива, просто мне стало немного дурно, – быстро печатаю я. – Удачи в охмурении! Не жалеешь, что я тебя вытащила?»

Выхожу из бара, перехожу улицу и встаю на противоположной стороне. Отсюда я могу наблюдать за размытыми силуэтами, которые движутся кругами в поисках чего-то.

Звонить Калебу, не сводя взгляда с затылка Розмари через окно, – рискованная затея. Мне нравится. Раздаются гудки, и темно-зеленая водолазка светится ярче, как неоновая вывеска за стеклом. Может быть, Розмари почувствует его; может быть, она повернется, посмотрит на меня и сразу все поймет. Его голос и ее тело, и я – где-то посередине.

Калеб отвечает на пятом гудке.

– Привет! Как дела?

Розмари выгибает спину, когда наклоняется ближе к друзьям, напряженно прислушиваясь к их словам. Проходит еще несколько секунд. Она не оборачивается.

– Только что вышла из отстойного бара. Музыка так грохотала, что мы с Даниэль практически орали друг на друга. Теперь еду домой.

– Хочешь, я приеду?

Иногда он точно знает, что мне нужно. Мой голос и плечи смягчаются.

– Да, пожалуйста.

В ожидании поезда на платформе я открываю «Инстаграм» Розмари и узнаю, что кольцо в носу появилось у нее спустя два месяца после их разрыва с Калемом. Открываю «Заметки» на телефоне и добавляю эту находку в документ, посвященный Розмари. «Интересно, что подтолкнуло ее сделать пирсинг, – печатаю я. – Отчаянное желание двигаться дальше или триумфальное осознание свежееобретенной свободы?»

Подходя к дому, первая замечаю Калеба – он сидит на крыльце с сигаретой в руке, безучастно глядя перед собой. Когда-то я поклялась, что не буду встречаться с курильщиком, но европейская культура другая, а его связь с

континентом – одна из причин, почему я выбрала его в «Тиндере».

Прежде чем перейти улицу и подойти к нему, я люблюсь Калемом издаleка, будто он не мой, а чей-то еще. Затем я окликаю его.

Увидев меня, он тут же тушит сигарету, а на его лице расплывается искренняя улыбка. Никто никогда так мне не радовался. Поднимаюсь по ступенькам и бросаюсь в его объятия, прижимаясь к его груди, пока он пытается удержать меня за плечи. Мы врезаемся в дверь.

– Ты пьяна?

– Нет, – смеюсь я, – просто счастлива.

Позже, после секса, он отстраняется и тянется к моей руке. Кто-то из нас должен что-то сказать, завести разговор, но мы этого не делаем. Я в панике представляю себе другую сцену: Калек и Розмари ведут оживленную беседу, легко перескакивая с одной темы на другую, очарованные тем, как другoй видит мир.

Чтобы вытеснить эти мысли, начинаю разговор: рассказываю о том, как в старших классах написала рассказ о похищении Дэниела Рэдклиффа. Он и вправду вышел забавным, и я строила планы, как заставить самого Дэниела прочитать его. Я была одержима им почти во всех его образах: обнаженным, жестоким и безумным на сцене в «Эквусе», поющим и танцующим в «Как преуспеть в бизнесе, ничего не делая» и, конечно же, его Гарри Поттером. Однажды я хотела даже попросить охранника у служебного входа театра, где ставили «Эквуса», передать Рэдклиффу мой рассказ, хотя, наверное, дело кончилось бы судебным запретом на приближение к нему.

– Ух ты, иногда я не понимаю твоих предпочтений, мы совсем не похожи, – замечает Калек, шутливо ущипнув меня за сосок. – Дашь почитать?

– Кажется, я его уничтожила, но кое-что помню до сих пор. – Я закрываю глаза, чтобы сосредоточиться. – «План прост: ты едешь в Лос-Анджелес, потому что на сайтах, где следят за каждым шагом Дэниела, обещали, что он будет на премьерe одного фильма. Ты следишь за ним с дерева. Забраться на дерево – та еще морoка, колени и голени расцарапаны в кровь. От бинокля вокруг глаз

красноватые круги, как у бешеного енота. Твои волосы растрепались, и это грустно, ведь ты сделала укладку в модном салоне в предвкушении момента икс. А еще макияж. Довольно вызывающий, но ведь ты хочешь ослепить его». – Я делаю паузу в поисках насмешки на лице Калеба (ее нет) и все равно добавляю: – Знаю, написано немного по-детски, но мне было шестнадцать!

Возможно, таким образом я неосознанно пытаюсь выстроить защиту, оправдаться, что все мои навязчивые идеи всегда были и будут служить только искусству, поэтому...

– Ты чокнутая, – смеется Кaleb, – но мне это нравится.

В награду за рассказ он водит ногтями по моей спине, пока все мое тело не обмякает. Не так давно я призналась, что мама в детстве чесала меня перед сном, и это расслабляет меня. Кaleb, должно быть, усвоил это, поэтому теперь он массирует мне голову, руки и грудь. Это так странно и замечательно, и пусть это длится вечно. Между почесываниями я вспоминаю, что один из персонажей, которых Дэниел Рэдклифф играл на сцене, также был влюблен в женщину по имени Розмари.

Подумаешь. Романтическое имя для романтической героини. Переворачиваюсь и целую Калеба, пытаюсь выкинуть ее из головы.

Но Розмари невозможно забыть. Каждый раз, когда она выкладывает новую историю в «Инстаграм» и кружок, обрамляющий ее фото профиля, становится розовым, я делаю несколько вдохов, уговаривая себя потерпеть несколько часов перед просмотром, но это бесполезно. Я корю себя за это нетерпение, за эту импульсивность: в конце концов, у меня есть двадцать четыре часа, пока публикация не исчезнет, и лучше выждать тринадцать-четырнадцать часов, чтобы она не обратила внимания на незнакомый аккаунт в списке просмотревших.

Замечает ли Розмари ту скорость, с которой «Книги и кофе» просматривает ее посты пятьдесят одну секунду спустя, или она привыкла к пристальному вниманию безобидных незнакомцев из книжного мира? Насколько вероятно, что она проведет расследование?

«Это всего лишь социальные сети, – успокаиваю себя. – Это не так уж навязчиво, да и вообще, она явно не особо разборчива, когда речь заходит о новых подписчиках».

И все же паранойя дает о себе знать пульсацией в пояснице. Вряд ли кто-то сможет выйти через поддельный аккаунт на меня – ведь я не писала там ничего личного, – но как знать. Я в этом не специалист.

* * *

Мы уже видели этот мюзикл с участием Ноа пять раз, но нам с семьей удалось достать билеты на последнее представление бродвейской программы. После спектакля будет вечеринка, и не где-то там, а в ночном клубе «Копакабана» на Таймс-сквер, и меня пригласили вместо наших родителей, потому что с ними, как выражается Ноа, было бы «феерически отстойно». На мне длинное небесно-голубое платье, на веках – золотые тени. Шею холодит серебряная подвеска.

Во время длинной сольной партии Ноа во втором акте я украдкой смотрю на маму. На ее лице – гордость и боль. В свои двадцать она прослушивалась для десятка бродвейских шоу, выстаивала очереди в шесть утра в непогоду, но, несмотря на талант и постоянное прохождение в следующие туры, ни одной роли ей так и не досталось. Подозреваю, именно поэтому она решила писать музыку, создать свою рок-группу и выступать с концертами по всему Нью-Йорку в качестве солистки. Она создала для себя другую жизнь. Но мама уже давно не сочиняет ничего нового. Теперь ее будни – пилатес, фермерские рынки и сплетни за чашечкой кофе с жительницами пригорода: она стала той женщиной, которую когда-то, возможно, несправедливо презирала. Иногда, правда, когда я приезжаю к родителям на праздники или длинные выходные, я слышу, как мама поет свои старые баллады. Ее голос под аккомпанемент фортепиано остается одним из моих любимых звуков, напоминающих о детстве, безопасности и тепле. Но я никогда не позволяю маме заметить, как я прячусь, подслушивая, за порогом, чтобы не нарушать столь редкое (и с каждым разом еще более редкое) единение с музыкой. Я могла бы спросить, почему так случилось, но лучше не знать. Боюсь, что этот самый паралич может перекинуться и на меня.

Ноа выходит на поклон, и мы с родителями бурно аплодируем, после чего, обняв их на прощание, я направляюсь к служебному входу и называю охраннику свое имя. Дую на ладони в попытке согреться, а за металлическими ограждениями,

отделяющими фанатов от звезд, хихикающие шестнадцатилетки и взрослые поклонники выстраиваются в очередь, размахивая программками. Селфи, которое Ноа выложил в «Инстаграм» менее десяти минут назад в ознаменование «конца эпохи» (его цитата) – на фото он в гримерке, все еще в костюме, – уже набрало сотни лайков. Его двенадцать тысяч подписчиков очень разные, но одинаково преданные, обожают ставить эмодзи с сердечками в глазах и умоляют ответить им в личку. Фанатская база накапливалась годами: прорыв в карьере Ноа случился, когда в девять лет он спел партию героя из «Сорванцов в песочнице» – одного популярного среди детей и взрослых мультфильма, где последние наслаждались двусмысленными шутками, непонятными первым. Несомненно, скоро Ноа ждет еще больший прирост фанатов, учитывая, что недавно он получил яркую эпизодическую роль (два эпизода, восемь реплик) во втором сезоне подростковой драмы «Призраки среди нас».

Несмотря на полку, уставленную театральными наградами (премия «Внешнего общества критиков», «Драма Деск», даже «Грэмми» в составе труппы на Бродвее), Ноа провел последние несколько лет в поисках ускользающей роли в кино или на телевидении, отчаянно пытаясь доказать свою состоятельность снова, снова и снова. Но какое-то время его постоянно встречал поток быстрых и явных отказов. В индустрии развлечений соотношение всегда не в твою пользу, поэтому мы оба все время стремимся вперед, пусть даже я не достигла и нижней ступеньки воображаемой лестницы. За день до второго прослушивания для «Призраков среди нас» Ноа попросил меня помочь ему отрепетировать реплики. Мне всегда нравилось примерять на себя разные роли: прокурора, детектива, убийцы, матери. Благодаря чужим словам – чужой жизни – я ненадолго становилась кем-то еще.

На следующий день после повторного прослушивания его утвердили на роль. С тех пор это упражнение постоянно оттачивается: как радоваться за него, как улыбаться так широко, что челюсть ноет, как бурно аплодировать.

Охранник наконец-то пропускает меня через служебный вход, и мою спину сверлят десятки завистливых взглядов. Ноа, одетый в смокинг, устало машет мне рукой и просит помочь с вещами. Его гримерка находится в подвале. Здесь пахнет сыростью и затхлостью. К зеркалу прикреплены детальные карандашные рисунки, воспроизводящие сцены из мюзикла.

– Ух ты, как здорово. – Как ему все удается?

Кончики его ушей розовеют.

– Ничего особенного. Просто делать было нечего между выходами на сцену.

Пожав плечами, я собираю разбросанные вещи – грим, наушники, коробочка леденцов от горла – и прячу в свою сумочку. Несколько минут спустя он снимает рисунки с зеркала и аккуратно складывает их в рюкзак, а я притворяюсь, будто ничего не заметила.

По дороге к служебному выходу мы пробираемся по узким лестницам, минуя парики и пышные платья с каркасом по моде девятнадцатого века, и в конце концов оказываемся на сцене. Тишина оглушает. Я подхожу к краю сцены и смотрю на тысячи красных бархатных кресел. Каково это – стоять в самом центре, убеждая всех, что ты достоин их безраздельного внимания?

– Эй, ну где ты? – зовет Ноа. – Мы уже опаздываем.

На выходе нас оглушает рев со стороны металлических ограждений. Я стараюсь убраться подальше с линии огня, чувствуя себя не в своей тарелке. Эти люди пришли не ради меня. Я жду в сторонке, пока Ноа раздает автографы, позирует на снимках и принимает комплименты и, наконец, добирается до меня.

– Да ты прямо звезда, – говорю я по дороге в «Копакабану». – Хештег «знаменитость». – Я никогда не планировала насмехаться, а вот поглядите-ка.

– Это не новость, – парирует он, но как-то без запала. Еще четыре квартала, и мы на месте, и я чувствую наше общее облегчение.

Внутри нас встречает красная ковровая дорожка и фотостенд. Ноа шипит на меня: оказывается, мы должны позировать вместе. Я кладу руку на бедро, а Ноа принимает нужную позу: губы сжаты, голубые глаза чуть сужены, одна ладонь в кармане брюк. Я видела, как он репетирует ее множество раз у зеркала, но все равно выглядит странно – по жизни он очень улыбчивый и открытый. Кто-то командует, чтобы я «прильнула» к нему, но Ноа обхватывает меня рукой за талию и шепчет: сестра.

Мы пробираемся сквозь разодетую и шумную толпу. То и дело останавливаемся перекинуться парой слов с людьми в роскошных нарядах. Я жмусь к локтю Ноа, и меня принимают то за его младшую сестру, то за девушку, то снова за сестру. Мы оба смеемся, счет сравнялся. Мама часто повторяет, что выглядеть моложе – это дар, и однажды я это оценю.

– Вы тоже актриса? – спрашивает меня стройная девушка с серебристыми волосами, в норковом мантио.

– Я писатель, – резко чеканю я. То ли упрек, то ли защита, сама не знаю.

– Ох. – Она слегка, но заметно отшатывается. – Что же, нам, актерам, без писателей никуда.

– Я пишу не сценарии, а романы.

– Очень... очень мило, – неуверенно говорит она и уходит.

Ноа тут же набрасывается на меня:

– Боже, Наоми, что с тобой? Это очень грубо.

– Я не специально. – Мне уже и самой стыдно. – Просто ответила на ее вопрос. Узнав, что я не актриса, она тут же потеряла ко мне интерес.

– Грейс – легенда Бродвея! Она просто проявила вежливость.

– Ладно, не буду тебе мешать заводить знакомства. – Я ухожу к бару и слышу за спиной громкий усталый вздох Ноа. Извинюсь позже, пожалуй. Лавирую между актерами и их надоедливymi собеседниками, потягивая совиный блан и жуя картошку фри, пока не сажусь в уголке для быстрой проверки «Инстаграма» и «Фейсбука». Снимки с вечеринки уже в сети. Я просматриваю их в поисках наших лиц. «Ноа Экерман и его спутница», – гласит подпись. Мы оба выглядим красиво и элегантно. Моя улыбка кажется настоящей, за ней не проглядывает зависть. Так мне нравится больше.

Я ныряю в толпу в поисках младшего брата. Я же его спутница. Мне нужно быть рядом. Вот он: окружен поклонниками – покраснелся, глаза блестят, в своей стихии. Не хочу мешать ему, подожду.

В конце концов мы оказываемся в уголке, наблюдая за гостями и обмениваясь саркастичными замечаниями. Ноа, не привыкший к алкоголю, напивается с одного бокала виски.

– Тот старик, с которым я только что разговаривал, – заявляет он, – один из трех моих сталкеров. Я тебе уже рассказывал про них?

Моя кожа покрывается мурашками.

– В каком смысле сталкеров?

– Эти трое вечно пишут мне в личку. Один так даже пригласил меня на тройничок с ним и его девушкой. Они только что посмотрели «Сорванцов из песочницы», может, у них кинк[9 - Кинк – нетрадиционные и нестандартные сексуальные практики, фантазии и концепции.] на мультики?

– Или на мальчиков-сопрано, – острою я.

– Фу, какая гадость.

Мы смеемся, и я вспоминаю, как впервые осознала уровень его иронии. Когда я была на первом курсе университета, Ноа выложил фото в «Инстаграме» с настолько забавной подписью, что я решила, будто его взломали, и написала ему об этом. «Просто у меня есть чувство юмора», – ответил он.

– Так вот, вторая сталкерша – девочка-подросток. Она шлет мне из разных городов открытки, дорисовывая на них мое лицо, – продолжает Ноа. – А третий сталкер, этот старик, все время говорит мне, что я как две капли воды похож на его умершего сына, очень талантлив, и он будет всегда следить за моей карьерой, потому что верит, что я стану настоящей звездой.

– Важный вопрос, – говорю с усмешкой, но ответ мне нужен серьезный, – такое внимание льстит или пугает?

– И то и другое.

– Но ты ведь чувствуешь себя особенным? Как будто ты по-настоящему привлёк чужое внимание? – отчетливо произношу каждый слог: важно, чтобы он понял. – Мне не кажется, что они представляют какую-то угрозу, они не знают тебя. Ты просто часть их воображаемого мира.

– Говоришь, как настоящий писатель, – усмехается брат.

Я улыбаюсь ему: хорошее замечание. Это станет моей единственной защитой, если весь мой воображаемый мир пойдет под откос.

Когда мы уходим с вечеринки, Ноа отправляется в другой бар с коллегами по мюзиклу, а я ковыляю домой на высоченных шпильках. На полпути отсылаю Калебу селфи. Мои веки все так же блестят золотом, а серебряная подвеска успела нагреться. «Я лучшая в мире спутница», – пишу я: он должен это знать.

Глава третья

На субботнюю вечеринку Даниэль по случаю Хэллоуина я прихожу, одетая, как один из моих любимых книжных персонажей – Плакса Миртл^[10] – Плакса Миртл – персонаж книг и фильмов о Гарри Поттере.]: с косичками, галстуком, гольфами и, конечно, сиденьем для унитаза вокруг шеи – купила за пятнадцать долларов на «Амазоне», – оно оказалось тяжелее, чем я думала. Из Калеба, с его бледными валлийскими чертами и длинными темными волосами, получился великолепный вампир. На Даниэль – корона и белое платье в пол, подол залит искусственной кровью. Она держится за рукоять пластикового меча.

– Леди Макбет! – здороваюсь я. – Отличный образ.

– А ты превзошла себя, моя дорогая. Это, пожалуй, даже круче, чем Реджина Джордж^[11] – Реджина Джордж – персонаж фильма «Дрянные девчонки» (2004), по сюжету девушка попадает под школьный автобус и вынуждена носить скобы.] после столкновения с автобусом.

– О-о-о, когда это было? – интересуется Кaleb. – Фото в студию!

– На последнем курсе. – Я показываю ему снимок: на мне блондинистый парик и самодельный головной убор из проволоки и картона. В тот Хэллоуин мы с Даниэль перебежали из домика для лакросса в братство Сигма Чи, потом к мужскому хору, и меня везде радостно приветствовала куча незнакомых людей, хотя мы вместе жили и учились годами. Такое признание воодушевляло.

– Потрясающая задумка, – говорит Кaleb, рассматривая фотографию.

Я делаю реверанс.

Даниэль протягивает нам красные стаканчики с чем-то темным.

– Из котла ведьмы, – сообщает она, играя бровями. – Мой сосед три часа готовил, я не шучу.

Мы делаем по глотку.

– А вкусно, – отмечаю я.

– Нам нужно общаться тут со всеми? – спрашивает Кaleb.

– Точно нет, – отвечает Даниэль.

После того как уже третий человек хватается за мое сиденье с воплем: «Стоны, Миртл, где твои стоны?» – Кaleb утаскивает меня в укромный уголок.

– Спасибо за спасение. У тебя клыки отваливаются.

Он снимает их:

– Говорить в них невозможно.

– Ах ты хитрюга, хочешь смешаться с толпой в поисках невинных и беззащитных жертв?

– Ха-ха, – говорит он с серьезным лицом. – Кстати, я хотел обсудить твой день рождения. Хочешь, устроим что-нибудь на двоих? Например, после работы в понедельник?

В груди теплеет.

– Это так мило.

Я надеялась, он что-то предложит, в конце концов, это первый день рождения, когда у меня есть парень.

– Отлично, чего бы тебе хотелось?

Мои надежды слегка тают. Неужели он не может сам угадать?

Или же необходимость угодить мне, сделать правильный выбор – знак его любви?

Предлагаю мексиканскую кухню, нашу любимую.

– Прекрасно, я закажу столик там, где мы еще не были. Согласна?

Скорее всего, он подготовит цветы, шампанское или открытку, как я сама часто делаю для друзей, но по-настоящему мне нужна только открытка. Нечто, что можно хранить, а не использовать, нечто, что навечно останется доказательством любви. Я положу ее в ящик и буду доставать, когда мне потребуется напоминание реальности его чувств.

Я киваю и дежурно улыбаюсь. Он целует меня.

– Я в туалет, – говорю я. – Скоро вернусь.

Чтобы запереть дверь, требуется аккуратно покрутить ручку. Я сажусь на унитаз и просматриваю историю, которую Розмари выложила три часа назад, надеясь разглядеть ее костюм. Но вместо себя она разместила короткое видео с парнем в костюме Трусливого Льва из «Волшебника из страны Оз» и одной из своих

блондинистых подружек, одетой как Дороти. Лев обматывает длинный хвост сливочного цвета вокруг руки Дороти, и за кадром слышится смех Розмари. Наверное, она третья лишняя на этом свидании. Кто-то барабанит в дверь.

– Извини, но ты там засела, а я уже не могу терпеть...

– Иду! – спустив воду, отпираю дверь, впуская в ванную покрытого потом Пикачу.

Где-то в час ночи, хотя до моего дня рождения еще целые сутки, Даниэль вытаскивает меня в центр комнаты и организует громкое, нестройное исполнение песни «С днем рождения тебя», куда добавляется строчка «ты смердишь, как обезьянка». Какой-то тип выкрикивает из толпы: «Вообще-то она смердит, как туалет!»

– Как остроумно, – кричу в ответ, опрокидывая шот текилы.

Где-то через полчаса мы с Каледом покидаем вечеринку в самом ее разгаре и по дороге к метро проходим мимо доски у бара, где мелом написано: «Наше пиво холоднее, чем сердце твоей бывшей», и стрела указывает на вход.

– Смешно. – Я пихаю его в бок. – Знакомо?

Он продолжает смотреть прямо:

– Не особо. Я видел такую надпись и раньше. Неоригинально.

Не особо смешно или не особо знакомо? Я тут же жалею о том, что вызвала призрак Розмари в его мыслях. Это было недальновидно. Я обратила его внимание на надпись, только чтобы расшифровать эмоцию, которая пробежит по его лицу, но это бесстрастное выражение не поведало мне ровным счетом ничего.

* * *

Следующим вечером в мою дверь звонит курьер с бутылкой шампанского.

– Ну ты и жук, – радостно улыбаюсь Калебу.

Он бледнеет:

– Прости, это не от меня.

– А, – я удерживаю на лице улыбку, – ничего страшного!

Шампанское прислали родители. Приятный жест, но я чувствую разочарование.

Очевидно, желая загладить свой промах, за пару минут до полуночи Калед с преувеличенным воодушевлением открывает бутылку и разливает содержимое в чашки. (Неужели у кого-то из моих ровесников правда есть бокалы под шампанское?)

– Счастья и благополучия, – желает он. Это звучит так заезженно, что я смеюсь и тут же прощаю его, пока мы чокаемся.

Позже, в постели, когда его дыхание становится глубоким и ритмичным, я проверяю в телефоне уведомления из «Фейсбука». За семестр учебы в Австралии я подружилась с разными людьми – из Перта, Брисбена, Мельбурна, а еще из Эквадора, Франции, Сингапура, Испании и Нидерландов. По всему миру люди просыпаются в других часовых поясах и шлют мне поздравления.

Я все еще слишком возбуждена, чтобы уснуть, и тут на экране высвечивается сообщение от Луны. «С днем рождения!! Ты наверняка не спишь, отмечая, но для меня большая честь, что завтрашний день (или правильнее сказать, сегодня?) я проведу с тобой, попивая вино, которое было отложено под презентацию книги... но какая разница!»

Презентация книги! Старые привычки не умирают: тут же открываю календарь в «Гугл-документах» – и да, вот оно, «Единственный в своем стаде», автор Сара Хилл.

Это автор Розмари. Именно ее она упоминала тогда в уборной бара. Ну конечно.

Нечаянный подарок на день рождения – сегодня мы сможем снова поговорить, на этот раз без интриг и чужого вмешательства. Совпадение или судьба?

Утром Калек приносит мне кофе в постель.

– На овсяном молоке. Как ты любишь.

Я с благодарностью обхватываю кружку, морщась от головной боли: спасибо шампанскому. Через полчаса мне надо быть в книжном. Я приеду вовремя, только если поезда придут по расписанию, что случается редко. Быстро надеваю праздничный наряд – обдуман несколько дней назад – черный свитер с V-образным вырезом, черная джинсовая мини-юбка, колготки и красные ботильоны до колена на небольшом каблучке. Мое отражение в зеркале в полный рост выглядит прекрасно, и я рада, что Розмари наверняка подумает так же, когда меня увидит.

– Я пришлю тебе информацию о ресторане, как только сделаю бронь, – сообщает Калек.

Я выхожу из дома, стараясь не показать разочарования от того, что он делает это в последний момент.

На работе Луна протягивает мне пирожное «Красный бархат» из кафе напротив и зажигает свечку.

– Пирожное от Алекса, но свечка от меня.

Бариста из кафе безответно влюблен в Луну и постоянно дарит ей сладости.

– Я в шоке, что его до сих пор не уволили. Это же, по сути, воровство?

– Ну а я в шоке, что он до сих пор не понял, что я лесбиянка. Я же прямо при нем заигрываю с его напарницей.

Рассмеявшись, перевожу взгляд на горящую свечу.

– Знаю, ты мечтаешь о многом, – продолжает Луна. – Но будь внимательна, загадывая желания. Не прогадай.

– Ух, ты такая заботливая. – Я набираю воздуха, мой рот округляется. В каком порядке идут мои желания? На лице Луны написано нетерпение, а у кассы уже собралась очередь из покупателей, поэтому я просто дую на свечку, не думая ни о чем. Будь что будет. Луна аплодирует, несколько покупателей тоже. Я начинаю быстро пробивать товары.

Когда в магазине становится посвободнее, мы с Луной делим между собой задачи для сегодняшнего мероприятия. Книга официально выходит во вторник, но нам разрешили начать продажи на день раньше.

– Вся команда будет здесь сегодня, – говорит Луна. – Редактор, пиарщик и так далее. Надеюсь, они не собираются контролировать каждую мелочь.

Сжав свой экземпляр «Единственного в своем стаде», который я позже аккуратно положу обратно поверх стопки таких же, замечаю, что мои пальцы оставили влажные следы на обложке. Вытираю руки о бедра и борюсь с желанием рассказать обо всем Луне, которая балансирует между званием настоящей подруги и приятной коллеги: я не знаю, сочтет ли она мой интерес к Розмари тревожным, забавным или оправданным. Мы уже делились своими страхами и тайнами, но только в рабочие часы и всегда во время скучных рабочих задач – расставляя таблички, подметая пол, собирая и прокалывая стопки чеков, выбирая подходящий плейлист для мотивации покупателей.

Открываю страницу с благодарностями, надеясь на потрясение: наконец, я хотела бы поблагодарить моего несравненного редактора, Розмари Пирс, без участия которой эта книга не оказалась бы в ваших руках.

Жаль, у меня нет времени подготовиться к появлению Розмари; сегодня у меня будет короткий промежуток времени, чтобы запомниться ей. Кaleb только что прислал адрес премиального мексиканского ресторана в Бушвике, где мы еще не были. «В обзоре «Таймс» обещали гуакамоле из манго», – написал он.

А я обожаю гуакамоле из манго.

– Ты же знаешь, что этот ресторан держат белые ребята из Флориды? – Луна задирает бровь, когда я говорю ей, куда мы идем. – Умоляю, ни в коем случае не изображай из себя Книгочея и не пытайся сделать заказ на испанском.

– Я никогда так не делаю.

Другой наш напарник, с которым я редко пересекаюсь, – он работает с Луной в мои выходные, – пообещал подменить меня на несколько часов в конце смены, чтобы я могла уйти пораньше. Луне он не нравится – вернее, она его терпеть не может, – так что мы неласково прозвали его Книгочеем. Любимые авторы Книгочея – Чарльз Буковски, Дэвид Фостер Уоллес, Мишель Уэльбек и Джонатан Франзен. Порой Книгочей начинает ни с того ни с сего болтать с Луной на испанском, чтобы «освежить» язык перед своими постоянными поездками в Канкун[12 - Канкун – город в Мексике на берегу Карибского моря, популярный среди туристов из-за своих пляжей.]. («Ошибочные тарифы – это реально дешево», – любит повторять он.)

Отец Луны – мексиканец, а мама – еврейка. Она свободно говорит на иврите, испанском и английском, это на два языка больше, чем я, и в четырнадцать лет отпраздновала удивительный гибрид бар-мицвы и кинсеаньеры[13 - Кинсеаньера – в странах Латинской Америки праздник совершеннолетия девочек, отмечающийся в день пятнадцатилетия.]. «Бедные белые постоянно в замешательстве, – сказала она мне будничным тоном неделю или две спустя после нашего знакомства. – Без обид».

Я помню, как залилась краской и громко выпалила: «Нет-нет, ничего страшного, я не обиделась!» – смутив нас обеих.

Покупатели часто спрашивают у Луны, откуда она родом, чего нельзя сказать обо мне. Привилегия белого человека во всей красе.

– Понимаю, Наоми, день рождения и все такое, но я никогда не прощу тебе эти дополнительные часы с Книгочеем, – заявила Луна несколько минут спустя, вынося из кладовой пластиковые стулья.

– Я знаю, прости, надеюсь, такого больше не повторится!

Покупатель подходит к кассе, и Луна укоризненно наставляет на меня палец, прежде чем обслужить клиента. Я достаю из кладовой два микрофона и кладку стопку экземпляров «Единственного в своем стаде» напротив входной двери, так, чтобы она сразу бросалась в глаза. Устанавливаю раскладной столик и ведро со льдом, куда ставлю бутылки пива и белое вино. Пока я расставляю стаканчики и бутылки красного на столе, в заднем кармане юбки начинает вибрировать телефон. Пропущенный вызов от бабушки.

В свой законный пятнадцатиминутный перерыв перезваниваю ей из кладовки.

– С днем рождения, дорогая.

– Бабуля, привет! Спасибо. Ты все-таки установила определитель номера или просто надеялась, что это я?

Она смеется:

– Приходится все-таки соответствовать двадцать первому веку. Твой отец настроил мне аккаунт на «Нетфликсе». Я теперь смотрю запоем – так же говорится? – «Корону»[14 - «Корона» – популярный сериал об английской королевской семье Виндзоров.].

Бабушка, единственная оставшаяся у меня, переехала из квартиры, где когда-то жила с дедушкой, в центр для престарелых после небольшой аварии четыре года назад. Ей пришлось носить скобы на шее несколько месяцев, но в остальном ничего не изменилось. Она все так же стара, у нее все болит, и она с трудом ходит. Испуганный отец объяснил ей, что за ней нужен присмотр. Проживание в центре стоит семьдесят тысяч в год, включая питание, кинопоказы, вечера настольных игр, небольшой бассейн для терапевтических целей и помощь в душе.

– Именно так и говорится, – отвечаю я. – Добро пожаловать в главную черную дыру всех времен и народов.

– Не отвлекайся слишком сильно. Помнишь, что говорил твой преподаватель? Первый роман в двадцать семь.

– Никакого давления, ага, – бормочу я. Предсказание – или требование – моего преподавателя было озвучено во время барбекю для выпускников кафедры английского. Горы отбрасывали тень на траву, и все сгрудились вместе, укрываясь от солнца. Я перебрала шампанского, но помню, что, пока втыкала сельдерей в хумус, ко мне подошел мой преподаватель со словами: «В ближайшие пять лет выйдет твой первый роман». Я хохотнула от неожиданности и чокнулась с ним бокалом. Хотя мне отказали во всех магистратурах, куда я подавалась, он продолжал верить в меня.

– Сделай это не для меня, дорогая, а для себя самой, – рассмеялась бабушка и добавила: – Но я была бы не прочь прочесть его до того, как сердце откажет.

– Хватит, – с нажимом сказала я. – Никаких разговоров о смерти. Это моя единственная просьба.

– На правах именинницы, значит? Умно.

Луна трижды стучит в дверь.

– Прости, что прерываю, – в ее голосе слышится нотка паники, – но тут часть гостей приехали раньше.

– Бабуля, мне пора, я на работе. – Понизив голос, бормочу сентиментальное прощание. Нужно смотреть правде в лицо: единственный человек, который действительно понимает меня, стареет и слабеет с каждым часом. – Я правда ценю твою поддержку и веру в меня. Я скоро позвоню еще, хорошо? Люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, – отвечает она, и я кладу трубку.

– Они приехали на час раньше, – шепчет Луна, когда я выхожу к ней. – Писательницу буквально трясет от нервов.

– Все нормально. – Беру бокал белого, бутылочку воды и подхожу к девушке. – Мы очень рады видеть вас здесь, Сара, – бодро начинаю я. – Подготовка еще в процессе, но вот, пожалуйста, выпейте пока вина.

Сара Хилл с благодарностью берет бокал и бредет к группе людей, которые приехали вместе с ней. О ее романе недавно громко заговорили: одна знаменитость выбрала «Единственного в своем стаде» в качестве книги ноября для своего книжного клуба в «Инстаграме». На мой взгляд, Сара не похожа на девушку со скотоводческой фермы в Вайоминге – у нее ноги от ушей и роскошные светлые кудри, а одета она в розовый кожаный костюм с глубоким вырезом.

– Надеюсь, это не настоящая кожа? – шепчу Луне. – Seriously? Или это ирония?

– Понятия не имею. Спроси, можно ли потрогать.

Рассмеявшись, мы расходимся закончить дела.

Когда приезжают остальные члены команды Сары, я замечаю Розмари у микрофона и едва не роняю из рук стопку книг. Аккуратно кладу их на столик и заправляю волосы за уши, выжидая подходящий момент.

Раскладной столик и вино – стоят рядом с кассой в расчете на то, что гостям станет неудобно за бесплатную выпивку и они купят книгу – в конце концов манят Розмари к себе. Она выбирает красное, не белое, – рискованно, особенно если придется протискиваться через плотную толпу.

Я подкрадываюсь к ней, как кошка:

– Смелый выбор.

Она удивленно поворачивается.

Мы стоим лицом к лицу, и я стараюсь выглядеть хладнокровно, как будто эта ремарка могла предназначаться кому угодно. Не буду напоминать ей о нашем знакомстве, пусть Розмари сделает это первой.

– Не успела накрасить губы, так что остается только красное вино, – она игриво причмокивает, – так что особой смелости не требуется.

Я против воли рассмеялась.

– Постой-ка, я тебя знаю, – говорит она. – Виделись в баре.

Наконец-то.

– Ой, точно! Я тоже тебя вспомнила. И для чистоты: это был туалет в баре.

Розмари улыбается:

– Наоми из книжного. Ну конечно. Логично.

– Она самая, – кончики пальцев покалывает. – Эта презентация точно не уловка, чтобы увидаться со мной снова? – Я уже как-то использовала вариацию этой фразы, флиртуя с мужчинами.

Розмари подыгрывает:

– Обычно я не поддерживаю знакомства в туалете бара, но в этот раз меня так и подмывало узнать, что будет дальше.

– А я-то думала, что напугала тебя. Для меня это точно было неловко.

– В следующий раз старайся лучше.

Мне нравится ее ироничность.

– Значит, ты приложила руку к созданию этого шедевра?

Розмари оглядывается на автора, затем снова переводит взгляд на меня и кивает:

– Скажу честно, я рада, что все закончилось. Первоначальный набросок был в разы лучше. Я направляла ее все время, но итоговый вариант вышел не очень. – Она со вздохом раскачивается на пятках. – Зато теперь я смогу заняться книгами, которые мне нравятся. Но, пожалуйста, продай сегодня сотню экземпляров, ладно?

Луна прерывает наш разговор:

– Начинаем через пять минут, так что пейте вино, общайтесь и покупайте книгу Сары!

Кое-кто послушно подходит к кассе. Розмари проверяет телефон, пока я сканирую штрихкоды, украдкой бросая на нее взгляд. У меня осталась пара минут, а потом меня ждет ужин с Калемом. Каким-то чудом Розмари сама возобновляет беседу.

– Честно говоря, я чаще бываю в «Гринлайт» и «МакНэлли Джексон». В этом книжном какая-то своя атмосфера, не могу описать. Мне нравится, как здесь просторно и минималистично. Тебе нравится здесь работать?

Не могу определить, что стоит за этим вопросом – подлинный интерес, снисхождение, скептицизм, – поэтому выбираю заготовленный ответ.

– Я постоянно встречаю новых людей, разговариваю о книгах, а когда никого нет, могу почитать, – отвечаю радостно. – Так что да, мне нравится.

Питер, управляющий магазином, нанял меня пару месяцев спустя после моего выпуска. (Все другие вакансии, на которые я подавалась, испарились: в ответ либо молчание, либо отказ.) Я думала поработать здесь с полгода, но вот прошло уже два года, а я все еще тут. Здесь комфортно и приятно, это место закрывает какую-то мою внутреннюю потребность. Мне нравится четкий график работы. Никто не шлет мне писем во внерабочее время, мне нравится общество Луны и философские разговоры с покупателями, а в конце дня у меня остается энергия, чтобы писать. Я часто повторяю: «Извините, у нас нет уборной для посетителей», подсказываю дорогу до ближайшей станции метро или разбираю монеты в ладонях туристов, когда они не могут отличить пятицентовик от четвертака, поэтому посетители могут подумать, будто торговать в книжном – то же самое, что продавать одежду, может, они даже глумятся за моей спиной, что я с тем же успехом могла бы работать в «Урбан Аутфитерс», складывая вещи, разбросанные на полу примерочной, но как же они ошибаются. Мы, торговцы в книжном, двигаем издательский бизнес вперед.

Признаюсь честно, я часто представляю, что скажут в других книжных о моем романе, когда он окажется на полке рядом с другими. Кому они будут

рекомендовать его, часто ли?

Я не говорю об этом Розмари. Мы еще недостаточно близки.

Но, возможно, скоро станем.

– Иногда я фантазирую, как переезжаю за границу и работаю в книжном, – продолжает Розмари. – Планирую мероприятия, приглашаю авторов, которые мне нравятся. Гуляю по чудесным узким европейским улочкам после работы. Италия первая в моем списке. Ты читала «Неаполитанский квартет» Элены Ферранте?

Отвечаю, что мне понравился весь цикл, но особенно третья книга.

– Еще одна моя мечта: я перееду туда, выучу итальянский и прочту их в оригинале, – говорит она.

– У меня так с Хавьером Мариасом, хотела бы прочесть его на испанском. А вообще про Неаполь я ничего не знаю, но в Мадриде, Париже и на Санторини есть отличные англоязычные книжные магазины. Ты могла бы ездить в Италию на выходные! Правда, переехать в Австралию или Великобританию было бы проще.

– Точно не в Великобританию.

Я жду откровений, но Розмари говорит лишь:

– Я слышала про магазин «Шекспир и компания» в Париже! Но в остальные, боюсь, загляну уже в следующей жизни.

– Реинкарнация сейчас в тренде.

Мой телефон вибрирует. Отвернувшись от Розмари, я проверяю сообщение.

«Еду», – пишет Калев.

Луна у микрофона просит всех занять свои места. Толпа затихает. Мне не хватает времени. В тишине мое лицо начинает гореть – да скажи уже! – и я выпаливаю:

– Нам надо как-нибудь выпить кофе.

Розмари улыбается так, будто услышала что-то неожиданно приятное.

– Вообще-то я хотела предложить то же самое.

Мне не хватает воздуха, пока мы обмениваемся номерами. Если мой телефон завибрирует, а Калев увидит имя отправителя, это все разрушит. Едва ли он решит, будто это совпадение. Так что я записываю ее под именем «Мэри».

А теперь вперед, в холодную ночь.

Мне двадцать пять, и меня ждет мой парень.

* * *

На входе ресторан не разочаровывает. Приглушенный теплый свет. С потолка свисают растения в горшках и кактусы. Три стены разрисованы изображениями рыночных площадей. Калев сжимает под столом мою правую руку, пока мы заказываем гуакамоле из манго и «Маргариту» на мескале с гибискусом.

– Как работа? Луна тебя поздравила?

– Еще как! – Мой голос звучит пронзительно. Хочется рассказать о самом важном моменте дня, но нельзя. – Съели пирожные и выпили вина за кассой перед мероприятием.

– Звучит отлично.

Калев по-прежнему сжимает мою руку. Слишком приятно, слишком хорошо. Я выдергиваю ладонь и кладу ее на меню. А затем в корзинку с чипсами из тортильи. Что, если Розмари – она же «Мэри» – решит написать мне сегодня?

Официант приносит наши «Маргариты», принимает заказ на закуски и уходит. Мои губы прикасаются к соленому ободку, а Кaleb протягивает мне коричневый бумажный пакет. Он нервно облизывает губы, как змея. Нервничает – я только недавно начала замечать этот жест.

– Я спрятал твой второй подарок под кроватью. Ты никогда там не убираешься, так что я знал, что ты его не найдешь, – дразнит он меня. – Но этот мне хотелось подарить тебе сейчас.

Разрываю подарочную упаковку и смотрю на подарок, который дарят каждому, кто считает себя настоящим писателем: записная книжка, мягкая, с белыми страницами.

Она прекрасна. Сиреневая, с моими инициалами на сатиновой обложке: Н. А. Э. Наоми Амелия Экерман. Провожу рукой по обложке и переворачиваю страницу.

Стараниями любящей семьи и заботливых друзей у меня скопился десяток записных книжек. И все же никому из них раньше не приходило в голову сделать подарок более личным. Кaleb первый.

Я запускаю руку в бумажный пакет в поисках открытки. Пусто. Открытки нет – разве что она приложена ко второму подарку, тому, что спрятан под моей кроватью.

Да кому нужна открытка? Что со мной такое?

– Спасибо огромное! Идеальный подарок. – Я тянусь через стол, и наши губы (мои – шершавые и обветренные, его – мягкие) соприкасаются. – Мне очень нравится.

– Я рад! Надеюсь, второй тебе тоже придется по душе. – Кaleb выразительно подмигивает. – Он не очень подходит для дарения на публике.

Подарком оказывается вибратор размером с палец – 11 режимов вибрации и скорости. Это игриво, сексуально и необычно. Я смеюсь, пока он отчаянно пульсирует в моей ладони.

– Впечатляет! Мой новый компаньон.

– Именно. Не вместо, а вместе. Скоро поиграем с ним. – Кaleb улыбается и исчезает в ванной, чтобы почистить зубы.

Пока электрическая зубная щетка жужжит за дверью, я следую своему новому ежевечернему ритуалу, просматривая соцсети Розмари. В историях в «Инстаграме» она выложила несколько видео с Сарой Хилл, отметив ее, так что я перехожу в профиль Сары и просматриваю ее истории. Нахожу фотографию, сделанную до начала мероприятия. На переднем плане Сара улыбается, поднимая бокал, а на заднем плане я замечаю отблеск серебряного кольца в носу Розмари в море тел, занятых болтовней. Розмари то ли говорит, то ли собирается заговорить, ее губы приоткрыты – заметен острый кончик зуба, – и от затылка до пяток пробегает дрожь. Видеть нас вместе жутко, но захватывающе – не могу отвести от нас взгляд и думаю: «Вот и мы».

Но с каких это пор в моей голове Розмари и я слились воедино?

Жужжание умолкает, дверь ванной открывается, и я прячу телефон. Кaleb ложится в постель рядом, прижимая вибратор к моему бедру. Пока он экспериментирует с пятью вариантами скорости и ритма, я закрываю глаза и представляю, как Розмари обхватывает ногами Калеба, а он входит в нее медленно и глубоко, прижимаясь губами к ее ключице. Это моя новая фантазия, когда я ублажаю себя.

Теперь же, представляя это в деталях – звуки, запахи, – я быстро и неожиданно кончаю. Тяну Калеба за бедра, побуждая немедленно войти в меня. Теперь я обхватываю его спину ногами и подставляю ключицы для поцелуев.

– С днем рождения! – позже говорит Кaleb, взъерошив мои кудри, затем переворачивается на живот и засыпает.

* * *

Во вторник утром просыпаюсь раньше, чем обычно, горя желанием узнать еще больше о ней. О них. Теперь у меня есть номер Розмари – раздобыт честным путем. Она не удивится, если я ей напишу.

Привет, Розмари, было здорово встретиться вчера на презентации. Идея выпить кофе все еще в силе, так что пиши, когда тебе удобно!

Один восклицательный знак добавляет тепла и энтузиазма, но при этом оставляет все в рамках дозволенного.

Розмари отвечает мне около полудня. Перерыв на обед. Представляю, как она подносит ко рту вилку с листом салата – ромэн, кейл или рукола, – покрытым бальзамическим уксусом, перебирая список дел и проверяя календарь.

Бросаю взгляд на покупателей, сидя за кассой, и открываю сообщение.

Наоми! Хорошо, что ты написала. Да, давай – как насчет воскресенья в районе трех?

Отлично, до встречи.

* * *

Когда я переступаю порог «Бруклин Роустинг» (ее выбор) в Дамбо в воскресенье ровно в три часа, там яблоку негде упасть. Склонившиеся над ноутбуками посетители заняли все диваны и практически каждый стул за каждым столом. У одной из стен этого помещения в стиле лофт нахожу два барных стула у стойки. Нам с Розмари придется сесть вполоборота друг к другу, как на свидании: наши колени и бедра будут периодически соприкасаться.

Заказываю холодный масала-кофе и жду. Розмари врывается в кафе – шарф сбился набок, щеки порозовели от мороза – и извиняется за опоздание.

– Можешь, пожалуйста, поддержать оборону, пока я возьму себе кофе?

Отвечаю: «Да, конечно» – и наблюдаю за тем, как она общается с бариста. Он смеется над какой-то ее фразой – мне не слышно, – а когда Розмари возвращается, я спрашиваю, что она заказала.

– Масала-кофе. Люблю сладкое, но порция эспresso позволяет пребывать в иллюзии, будто все дело в кофеине.

С притворным удивлением указываю на собственную чашку:

– И у меня!

Вспомнит ли Розмари наш первый разговор, поймет ли, что мы уже встречались?

– Великие умы мыслят одинаково, – говорит Розмари: значит, не помнит. Возможно, это и к лучшему. Не хочу, чтобы ее насторожили совпадения.

– Как твои выходные? – начинаю разговор с безобидной темы. – По субботам на работе сумасшедший дом. Не успеем мы открыться, как в дверь ломятся взъерошенные родители, скупая тонны игрушек и книжек с картинками, а потом просят все это красиво упаковать к марафону детских праздничных вечеринок.

– Звучит ужасно, – вздыхает она, а затем переводит разговор на себя. – Эти выходные выдались спокойными, но впереди напряженная неделя. Я недавно приобрела права на книгу, за которой давно охотилась – пришлось обойти десяток других редакторов в борьбе за нее, – но пару дней назад автор устроила мне сюрприз.

Розмари делает паузу, чтобы отпить масала-кофе, и я напряженно размышляю, в чем мог заключаться этот сюрприз. Вижу, как она сглатывает.

– Один из героев романа списан с реального человека, и теперь писательница хочет изменить некоторые детали, чтобы его не узнали. – Розмари смотрит мне прямо в глаза, и я не отвожу взгляда, стараясь не запаниковать. – Она хотела внести правки до публикации книги, но так получилось, что все хвалили ее именно за описание этого героя, так что она все тянула и тянула, роя себе яму, и вот теперь она в отчаянии...

Я выравниваю дыхание.

– ...а я стараюсь натаскать ее на ответы, потому что каждую писательницу, с которой мне доводилось работать, всегда спрашивают, насколько автобиографична ее книга. Честно говоря, это просто кошмар, мужчин почти никогда такое не спрашивают.

– Ты совершенно права, это просто ужас. – В моем голосе слышатся истеричные нотки. – Что ты будешь делать?

Памятуя о том, как Розмари тихо и внимательно выслушивала друзей в том баре в Гованусе, ставлю на то, что она дает взвешенные советы: «Объясни еще раз, что случилось», «Ты уверена?», «Не беспокойся», «Мы все исправим». Она наверняка терпелива и добра, но в то же время непоколебима, с нужной долей профессиональной стойкости.

– Я попросила ее внести правки, но если книга от этого потеряет свою мощь, то ей придется связаться с этим человеком и найти мирное решение. Тогда она сможет опубликовать оригинал книги, – вздыхает Розмари. – По большей части я пытаюсь сделать так, чтобы не пришлось привлекать юристов.

– Звучит очень муторно, – говорю я, потому что это и правда так. – Даже представить себе не могу.

– Знаю. Надеюсь, до этого не дойдет. – Она непринужденным движением собирает волосы в идеальный хвост. – Все, прекращаю жаловаться на работу. Честно. А у тебя есть что-то интересное на горизонте?

Резкая смена темы, но я готова.

– Ничего особенного. В основном буду тешить мужское самолюбие. У моего парня на работе в разгаре важный проект, и он в отвратительном настроении. Так что стоит ему переступить порог, как я протягиваю ему пиво и понимающе киваю каждые несколько минут.

Розмари фыркает:

– Боже, как знакомо. Чем он занимается?

– Он инженер. – Технарь, но не слишком близко к правде. Здесь я подготовилась. – Но, честно говоря, я не особо понимаю, чем он занимается, мы не обсуждаем его работу. Только сложности или какие-то достижения.

– Отлично тебя понимаю. Мой бывший занимался моделированием катастроф. – Пауза. – Мне казалось, он и сам всегда настороже.

Теперь он с нами, в этой комнате. Мы обе представляем одно и то же лицо: Калев. В горле бурлит странная смесь радости, вины и нежности – по отношению к нему, но почему-то и к ней. Я выбираю вину, позволяю себе ее прочувствовать – разве не это самая правильная реакция?

– Наверное, противоположности притягиваются, – добавляет Розмари.

Я иду напролом в попытке собрать как можно больше данных. Информация – мое оружие и броня.

– И как вышло в твоём случае с противоположностями?

– Ну, я же сказала: бывший парень. Вот и ответ. – Розмари дергает туда-сюда молнию на кошельке, и на её большом пальце остается вмятина.

Замечаю это – один из нервных жестов. Я тоже предпочитаю мять что-то в руках, когда волнуюсь.

– Но расстались мы не поэтому, – продолжает она. – Сначала все шло хорошо: знаешь это взаимное уважение, когда твой партнер хорош в чем-то, о чем ты и представления не имеешь? Я смотрела на него буквально с восхищением. – Розмари уставилась куда-то за мое левое плечо. – И когда-то он относился ко мне так же.

Калев часто смотрит на меня с ласковой улыбкой или веселым изумлением. Как будто я интригую его. Это тоже своего рода восхищение?

Розмари делает еще глоток:

– А чем ты занимаешься, когда не продаешь книги?

Она угадала, что это не мое основное занятие.

– Я писатель. – Мои щеки краснеют, но почему? Наверное, дерзко говорить об этом бывшей своего парня, которая работает с состоявшимися писателями на ежедневной основе. – Будущий, – уточняю.

Мы не смотрим друг другу в глаза, но я чувствую, как она оценивает меня. Можно ли распознать чей-то талант просто по внешности, по ощущениям?

– Это здорово! Так ты хочешь узнать, как попасть в издательство?

– О нет, ты решила, я поэтому хочу с тобой общаться? Из-за твоей работы? – Не буду ее разубеждать. Это одно из самых безобидных предположений.

Розмари приподнимает бровь:

– Итак, ты ищешь работу?

– Меня пока все устраивает. Но наверняка в дальнейшем я захочу перемен. Издательство – неплохой вариант.

– «Устраивает» не равно «я счастлива».

Это верно – и мудро.

– А еще я пишу роман, – добавляю я и смотрю на ее лицо в поисках подсказки. – Правда, пока я в самом начале.

– Здорово. – Она улыбается, но ее улыбка не затрагивает глаз. – Как знать, возможно, твоя книга однажды окажется на моем столе.

Эта мысль одновременно волнует и пугает, поэтому я резко меняю тему.

– Расскажи, чем ты занималась раньше. Мне интересно, как люди строят карьеру. Порой мне кажется, что я очень отстала от ровесников.

– Отстала? – Она усмехается. – Сколько тебе лет?

– Двадцать пять, – раскрываю личные подробности. – Когда мы виделись в последний раз, у меня как раз был день рождения.

– О, ты еще молода, торопиться некуда. И с прошедшим! Тебе стоило упомянуть об этом.

– Как-то неловко говорить об этом ни с того ни с сего.

– Твоя правда. Как отпраздновала?

Твой бывший пригласил меня на ужин.

Я наконец-то могу дать ему новое имя.

– Пировали в мексиканском ресторане с моим парнем, Лакланом.

Это имя пришло мне на ум за долю секунды: когда я была в Мельбурне, то знала не менее четырех Лакланов. Если Розмари подумает, что я встречаюсь с австралийцем, то у нас как будто будет кое-что общее: опыт отношений с парнями с акцентом стран Содружества наций и легкими, но заметными культурными различиями.

– Прекрасный выбор кухни, – говорит Розмари, поставив кофе на стол. – Так вот, возвращаясь к твоему вопросу, меньше двух лет назад я работала личной помощницей, и у меня заняло целую вечность, чтобы пробиться: я семь месяцев провела без работы, и это было ужасно. У меня тогда были отношения на расстоянии, так что меня часто подмывало все бросить и переехать туда...

– Откуда был твой бывший? – перебиваю ее, не в силах сдержаться: адреналин зашкаливает.

– Из Уэльса, но в то время учился в магистратуре в Лондоне.

– Местный акцент такой сексуальный, – очень громко заявляю я.

– Полностью согласна! Значит, ты бывала в Лондоне?

Мне было десять, когда бабушка взяла меня с собой в Лондон: слишком рано, чтобы понимать, какой акцент звучит сексуально. Это была моя первая поездка за границу, только что вышла пятая книга про Гарри Поттера, и на каждом автобусе города красовалась надпись «Гип-гип, Гарри», так что большую часть путешествия я провела за книгой, пока мы отстаивали длинные очереди в Вестминстерское аббатство, Букингемский дворец и Тауэр. На все остальное я обращала мало внимания и теперь жалею об этом.

Рассказываю Розмари про бабушку, автобусы, смену караула.

– Я бы хотела побывать там во взрослом возрасте, – добавляю я. – Пройтись по пабам.

– Какие милые воспоминания, судя по всему, у тебя мировая бабушка. – Она снова делает глоток. – В следующий раз тебе обязательно надо посмотреть не только Лондон. Конечно, я предвзята, но рекомендую Уэльс и Шотландию. Там так красиво.

Стук сердца отдается в животе и горле. Розмари так свободно говорит о родине Калеба. Это потому, что она пережила их разрыв и не испытывает ни горечи, ни сожалений? Или все как раз наоборот?

– Ты бывала в Австралии? Я училась там, и Лаклан оттуда. Для меня это самый сексуальный акцент.

– Еще нет, это так далеко, но однажды надеюсь съездить. Что привело его сюда?

– Работа и девушка, – такая прямота предназначена привлечь и удержать ее внимание.

– Как обычно, – смеется она. – Я так понимаю, эта девушка – ты?

– Нет, другая, – импровизирую я. – Это было до того, как мы познакомились.

Повисает долгая тишина, и я откашливаюсь.

– Кстати, я рада, что мы сейчас здесь. С тех пор как я вернулась домой, то общалась только со старыми друзьями, не желая расширять круг знакомств.

Я не могу быть просто отчаянной искательницей работы, или странненькой девушкой, которая заводит знакомства в уборной бара, или, боже упаси, писателем, беззастенчиво пытающимся добиться продажи своей книги. Я должна быть спокойной, приветливой, интересной и открытой для дружбы, которая проистекает из совершенно естественного стремления к саморазвитию и переменам. Однако, кроме того, я сказала правду. Здорово пообщаться с кем-то новым. (Без учета контекста.)

– Я тоже местная. – Ее голос смягчается. – Так что я тебя понимаю. Где ты выросла? Чем занимаются твои родители?

– Верхний Вест-Сайд, хотя сейчас я живу в Виллидже. Папа преподает в Нью-Йоркском университете, а мама пишет и исполняет песни.

По этому описанию мы верхний средний класс, богема, открытые люди. Я не упоминаю о том, что составляет основную часть нашего дохода, потому что это меня смущает, но, поскольку большинство людей любопытны и подозрительны – и задают логичные вопросы вроде «как это продавец в книжном может позволить себе однокомнатную квартиру в Виллидже?» – скрывать объяснения становится сложно.

– О, я училась в Нью-Йоркском университете! – восклицает Розмари. – До сих пор выплачиваю кредит за учебу. А что преподает твой отец?

Да уж. Как я могла забыть?

Мой отец преподает литературу, так что она вполне могла посещать его семинары. Лицо пылает жаром, когда мы снова оказываемся на опасной территории.

– Он преподает на математическом. Честно говоря, не знаю, что именно. Математика никогда не была моей сильной стороной.

– Держу пари, твой отец в восторге от того, что ты теперь встречаешься с математиком. – С противным хлюпаньем ее соломинка втягивает воздух. – Мои родители были рады, что Калев изучал что-то прикладное. Когда я выбрала английский в качестве основной специализации, дома разразилась гроза. Конечно, мои родители любят читать и все такое, они годами работали учителями в государственных школах, но они, видимо, надеялись, что я выберу финансы, или юриспруденцию, или что-то в этом роде...

Я перестаю слушать. Она назвала его по имени. Впервые. Чтобы успокоиться, с силой прижимаюсь каждым позвонком к спинке стула. Вдруг Розмари использует этот разговор как предлог, чтобы снова сблизиться с Калевом? Меня охватывает дурное предчувствие, и к горлу подкатывает тошнота. Теперь некоторые события могут оказаться вне моего контроля.

Я возвращаюсь в реальность.

– Прости, знаю, что это невежливо. – Розмари берет телефон в руки. – Но мне нужно ответить на сообщение.

– Конечно, – указываю в сторону туалета. – Сейчас вернусь.

Сердце бешено колотится, когда я запираюсь в кабинке и немедленно меняю свои настройки конфиденциальности в «Инстаграме», «Фейсбуке» и «Твиттере». Я раскрыла слишком много информации. Теперь всем желающим подписаться на меня придется присылать запрос. В качестве фотографии профиля во всех соцсетях стоит мой снимок крупным планом на Великой океанской дороге в Австралии, меня обдувает ветер, и я улыбаюсь. Я не меняла ее уже несколько лет; мне нравится на нее смотреть.

На последней опубликованной фотографии я стою в просторном зале Музея Уитни рядом с вереницей синих чемоданов в качестве экспонатов. Мы с Калевом ходили туда пару недель назад, и, когда я попросила его сфотографировать меня, он пошутил – слишком снисходительно, на мой взгляд, – на тему того, как часто я использую «Инстаграм». Я ничего не ответила, но теперь жалею об этом, надо было защитить себя: «Всего один снимок, я редко прошу об этом, я не

такая, неужели ты до сих пор не понял?»

Фото я подписала так: «Позирую со всем своим эмоциональным багажом». В итоге пост получил сто двадцать лайков, личный рекорд. Наверняка подписчики сочли меня остроумной и ироничной.

Если Розмари когда-нибудь спросит, я отвечу, что не пользуюсь соцсетями. «Это помогает мне писать, – скажу я, – ни на что не отвлекаясь».

Калеб вообще не пользуется ими. Последний пост на «Фейсбук» он выложил более двух лет назад, а фотография, которую он использовал в «Тиндере», была снята примерно тогда же. (Несколько месяцев назад, когда я тщательно изучала его архивы десятилетней давности, то с радостью обнаружила, что восемнадцатилетний Калеб сильно смахивал на тех парней, которые никогда не интересовались восемнадцатилетней Наоми. Получите и распишитесь, старшекласники.)

Если Розмари станет искать его, нас, она ничего не найдет. Только я решаю, как наши отношения будут отражены в онлайн, а теперь мой профиль закрыт, заперт. Наш единственный общий снимок с Калемом в соцсетях – селфи, сделанное этим летом на Кони-Айленде. Крупным планом – наши загорелые лица, а сзади – море. Подпись: «Мой парень впервые на Кони-Айленде!» – и флаги наших стран. Я хотела, чтобы люди знали – ладно, признаюсь, главным образом, чтобы знал джазовый барабанщик, – что у меня есть парень, красивый и довольно необычный валлиец.

Возможно, это к лучшему, что Калеб не интересуется социальными сетями. Будь у него «Инстаграм», он бы послужил еще одним инструментом навязчивого измерения температуры наших отношений, и я бы тратила драгоценное время, беспокоясь о том, как часто он публикует фото со мной и сколько лайков они набирают. Я должна быть благодарна, что не смогу что-то напридумывать или не так понять.

Если бы Калеб знал, как много времени я трачу, настраивая контраст, резкость, насыщенность, тени, экспериментируя с фильтрами «Гинэм», «Ларк», «Райз» или «Валенсия» и продумывая подписи с выверенным балансом между искренностью и иронией, боюсь, он бы стал уважать меня меньше. Соцсети делают меня другой – хорошо это или плохо.

Когда я возвращаюсь из уборной, Розмари что-то печатает с глуповатой улыбкой на лице. Я смотрю на ее зубы, пока ей не становится неловко, и ее губы смыкаются, будто кто-то задернул занавес. Кому она так улыбается?

– У меня сегодня ужин в Парк-Слоуп, так что, боюсь, через пять минут мне пора.

– Свидание? – интересуюсь я.

– Нет. Извини, не хочу, чтобы ты чувствовала себя так, будто я тебя продинамила, просто мы уже давно договорились о встрече с университетскими друзьями. Я правда не думала, что мы так заболтаемся!

Чувствую себя польщенной оттого, что я превзошла ее ожидания, но тут же вспоминаю, кто мы вообще-то друг другу.

– Встречи с друзьями – единственный вид свиданий, на которые я сейчас хожу, – добавляет она немного печально.

Я тут же изображаю сочувствие:

– Ой, прости, я не хотела...

– Все в порядке, я просто драматизирую. Долгая история, но суть в том, что после нескольких лет отношений на расстоянии Калевб переехал в Нью-Йорк, но он все время скучал по родине. И я начала уставать от этого угрюмого выражения, которое не сходило месяцами с его лица. Так что я порвала с ним. Я не хотела, думала, что это встряхнет его и он будет бороться за нас. – Розмари тараторит, как будто ей не терпится выговориться перед кем-то новым. Друзьям-то, наверное, уже тошно слушать про Калеба. – Но он не стал. Просто исчез из моей жизни. Я думала, Калевб вернется в Британию, но он остался. Видимо, не исключает возможности возобновить отношения.

Меня так и подмывает ответить: «Будь Калевб американцем, будь его акцент обыкновенным, а не таким, что слюнки текут, ты бы заинтересовалась им?»

– Мне кажется, наши пути еще пересекутся, – говорит она и смотрит прямо на меня, как будто ждет, что я подтвержу или опровергну ее заявление.

Вместо этого я изображаю шок.

– Ты серьезно рассказала такое и тут же уходишь? У меня столько вопросов!

Как и когда ваши пути пересекутся снова? Почему ты так в этом уверена?

Розмари берет сумку, выбрасывает стаканчик в мусорное ведро и спрыгивает со стула.

– Да ничего особо интересного, – говорит она со смущенной улыбкой. – У каждого из нас свои маленькие драмы.

– Клиффхэнгер! [15 - Клиффхэнгер – художественный прием в создании сюжетной линии, где герой сталкивается с трудным выбором или последствиями чьих-либо поступков, и развязка остается открытой до возобновления повествования.] – кричу ей вслед. Несколько человек отрывают головы от своих ноутбуков и смотрят на меня.

Дверь за ней захлопывается, и я отправляю отцу пару сообщений.

Вопрос: сегодня в книжном я встретила девушку, которая, возможно, посещала твои семинары. Розмари Пирс, знаешь такую?

Три минуты спустя мой телефон вибрирует.

Я ее помню! Ходила на литературу XIX века. Блестящий ум. Как тесен мир. Она купила что-нибудь интересное?

Я тычу в клавиатуру указательным пальцем

Нет, только открытку с соболезнованиями.

Насупившись, задаюсь вопросом, употреблял ли хоть кто-то когда-то слово «блестящий» по отношению ко мне.

«Ох», – все, что отвечает отец.

Удаляю сообщения и пишу Калебу: «Ты дома?»

Мне вдруг срочно хочется его увидеть. Выхожу из кафе, спешу в сторону вокзала и жду шесть минут до прибытия поезда. На Девяносто шестой улице я пересеяду и поеду на север к Калебу. Мы редко проводим время в его квартире, в основном из-за моего дорогого и жадного до внимания Ромео и отсутствия соседей. Соквартирант Калеба (его термин) – программист. Видела я его всего однажды, но слышала часто. Он готовит и спит когда попало и, похоже, слушает только два музыкальных жанра: Моцарта и «Металлику».

«Я в метро, еду к Вашингтон-Хайтс, – добавляю я. – Было бы здорово сменить обстановку и посидеть у тебя!»

Калек не отвечает сразу, но я продолжаю ехать дальше – устрою ему сюрприз, если потребуется.

Снова открываю «Инстаграм», быстро пролистывая людей, места и вещи и ставя маленькие красные сердечки, когда мне нравится увиденное. Провожу пальцами по видео, играет музыка, и мой желудок сжимается, когда я слышу джазовую смесь контрабаса, фортепиано, саксофона и ударных.

«Ублюдок», – вырывается вслух. Мой сосед, высокий мужчина в кожаной куртке, кидает на меня встревоженный взгляд и отодвигается.

Начинаю просматривать видео, вспоминая прискорбную правду о великом таланте Адама.

* * *

Две опубликованные мной истории об Адаме были ложью.

В них он отвергал меня, потому что любовь была такой сильной и неожиданной, что он испугался этих чувств, будучи не готовым к встрече с ними. И потому сбежал.

С тех пор я считаю, что все, кто испытывает ко мне чувства, просто ошибаются, принимая меня за кого-то другого.

Место действия – лазурное море, экзотические птицы, много солнца, гамаки в укромных уголках на роскошном круизном корабле на Галапагосских островах – само по себе располагало к романтике, но мне было шестнадцать, я была с семьей, и это все портило. Адам только что получил степень магистра в престижной консерватории в родном Бостоне, а я была старшеклассницей. Он был невыносимо великолепен – элегантный, ухоженный, будто диснеевский принц, и мое подростковое сердце не выдержало. Круиз длился шесть дней, и Адам держался сам по себе, но я взяла за правило попадаться ему на глаза, где бы он ни был, флиртуя с барменом и заказывая безалкогольный мохито. В последний день нас высадили на одном из островов. Родители и Ноа выбрали поход, а я – пляж, потому что Адам выбрал именно пляж. Он расположился на песчаном склоне, надел пару гигантских наушников, закрыл глаза и начал барабанить в воздухе. Сейчас или никогда.

Уклоняясь от его широко раскинутых рук, я пристроилась рядом и спросила:

– Что ты слушаешь?

Вздрагнув, он открыл глаза.

– Прости! – сказала я. – Не хотела тебя напугать.

Он засмеялся и сказал: «Ты меня не пугаешь», а затем кинул айпод в мою сторону. Брайан Блейд Феллоушип, «Ред Ривер Ревел». Я ничего не знала о джазе, поэтому показала на его наушники и спросила, можно ли послушать. Он сам надел их на мою голову, пальцы коснулись меня мягко, но уверенно. По моему телу пробежала дрожь, заиграла музыка, песня закончилась, я прошептала, что это потрясающе, и вернула наушники. Мы разговорились. Адам был в круизе один – до этого несколько недель гастролировал со своей группой по Чили, Аргентине, Перу и Эквадору и выделил немного времени на путешествие перед вылетом домой. Он всегда хотел увидеть Одинокого

Джорджа, самую известную в мире черепаху. (Только много позже я поняла, как нам повезло застать его живым.)

Я сказала Адаму, что пишу и даже публикуюсь – технически это действительно было так, ведь я победила в детском конкурсе от журнала «Райтерс Дайджест», – и он спросил, сколько мне лет, и я ответила.

– Шестнадцать, – медленно выдохнул он, как будто в этом слове было как минимум четыре слога. – Черт.

(До сих пор задаюсь вопросом, к чему относилось это «черт»: был ли он впечатлен, что у меня уже есть публикации, или разочарован тем, что со мной не получится переспать?)

Несколько долгих секунд Адам смотрел на меня пристально и с непривычным для меня интересом. Мы сидели на пляже в окружении лающих морских львов. Мои волосы были мокрыми и тусклыми от воды, но щеки, должно быть, покраснелись, а глаза были яркими и сияющими. Но ярче всего я помню звуки, чувства, сам факт того, что на меня впервые так посмотрели.

После круиза я отправила ему запрос на дружбу в «Фейсбуке».

Адам принял его, и я прислала ему свой никнейм в мессенджере «АОЛ»[16 - «АОЛ» – мессенджер для мгновенного обмена сообщениями.]. Пару часов спустя он написал мне:

РедРиверРевел: Привет, Наоми. Что означает твой ник?

ЗовитеМеняФруФру: Это шутка. Несчастливая лошадь из «Анны Карениной» и первая строчка «Моби Дика».

РедРиверРевел: Ого, как литературно. Как жизнь на суше?

ЗовитеМеняФруФру: Не очень. Школа достала, скучаю по Галапагосам, это была фантастика.

РедРиверРевел: Я тоже скучаю по ним. Поездка туда была апогеем моей давней мечты.

ЗовитеМеняФруФру: Давай тогда вернемся туда

РедРиверРевел: Я только за!

ЗовитеМеняФруФру: Знаешь, что могло бы сделать эту поездку еще лучше?

РедРиверРевел: Что же?

ЗовитеМеняФруФру: Наш роман

Я никогда даже не целовалась. «Роман» может означать и поцелуй, и секс, и нечто между. Я ждала, как он это истолкует, экспериментируя с помощью тщательно подобранных слов. В то время мне казалось, что только самые отчаянные, самые напористые девушки в школе встречались с самыми привлекательными парнями. У меня даже близко не было такой репутации: я была одной из тех прилежных девочек, которых никто не целовал. Но теперь я хотела быть кем-то большим, кем-то другим – зрелой, соблазнительной, взрослой. В прочитанных мной романах флирт всегда начинался с нескольких наводящих вопросов.

РедРиверРевел печатает... появилось, пропало, снова появилось.

РедРиверРевел: Это недопустимо, и ты сама это знаешь

Я подняла ставки.

ЗовитеМеняФруФру: Секс – это недопустимо?

РедРиверРевел: Да. Я на 11 лет старше.

ЗовитеМеняФруФру: Бывает и хуже

РедРиверРевел: Веди себя прилично

ЗовитеМеняФруФру: А ты заставь меня

РедРиверРевел вышел из чата.

Но на этом история не закончилась.

РедРиверРевел: Как школа? Ты вела себя хорошо?

ЗовитеМеняФруФру: Никогда :)

РедРиверРевел: Тогда я должен перекинуть тебя через колено и преподать тебе урок

ЗовитеМеняФруФру: Оооо давай же

РедРиверРевел: Я же велел тебе вести себя прилично

ЗовитеМеняФруФру: Преподай мне урок, а то вдруг кто-то еще перекинет меня через колено

РедРиверРевел печатает... появилось, пропало.

Молчание, которое длилось часами, иногда днями, а затем...

РедРиверРевел: Я не буду отвечать, когда ты так плохо себя ведешь. Будь хорошей девочкой.

ЗовитеМеняФруФру: Ладно, но скажи мне правду. Ты фантазируешь обо мне?

РедРиверРевел: Я не буду отвечать на этот вопрос.

РедРиверРевел: Но если б не разница в возрасте, я бы позвал тебя на свидание

Нежность последнего предложения поразила меня. Я не ожидала этого, не предполагала такой возможности, и так шли месяцы – мы отправляли друг другу ссылки на ледяные отели, отели на деревьях и отели под водой, обещая друг другу отправиться туда вместе; мы говорили о наших семьях, о нашем будущем и наших мечтах. Моя мечта казалась далекой, а его уже осуществилась. Вскоре мы начали созваниваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Нью-Йоркер» – американский еженедельный журнал, посвященный культурной и литературной жизни, как правило, именно Нью-Йорка.

2

21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., БЫЛА признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

3

2 дюйма – примерно 5 сантиметров.

4

«Рэй-Бен» – известный бренд солнцезащитных очков.

5

Чил, чилить (от англ. chill) – развлекаться, отдыхать.

6

Свайпить (от англ. swipe) – проводить пальцем по экрану.

7

«Там, где живут чудовища» – детская книжка американского писателя Мориса Сендака, входит в число самых продаваемых книг в мире.

8

21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

9

Кинк – нетрадиционные и нестандартные сексуальные практики, фантазии и концепции.

10

Плакса Миртл – персонаж книг и фильмов о Гарри Поттере.

11

Реджина Джордж – персонаж фильма «Дрянные девчонки» (2004), по сюжету девушка попадает под школьный автобус и вынуждена носить скобы.

12

Канкун – город в Мексике на берегу Карибского моря, популярный среди туристов из-за своих пляжей.

13

Кинсеаньера – в странах Латинской Америки праздник совершеннолетия девочек, отмечающийся в день пятнадцатилетия.

14

«Корона» – популярный сериал об английской королевской семье Виндзоров.

15

Клиффхэнгер – художественный прием в создании сюжетной линии, где герой сталкивается с трудным выбором или последствиями чьих-либо поступков, и развязка остается открытой до возобновления повествования.

16

«АОЛ» – мессенджер для мгновенного обмена сообщениями.

Купить: https://tellnovel.com/ru/barash_keytlin/oderzhimost-romanami

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)